

ЮЛИЯ СТЕШЕНКО

ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ:
ВТОРАЯ ЖИЗНЬ
ИРЕНА

Юлия Стешенко

**Против течения:
вторая жизнь Ирены**

«Автор»

2026

Стещенко Ю.

Против течения: вторая жизнь Ирены / Ю. Стещенко — «Автор»,
2026

Всю жизнь Ирена поступала правильно. Вышла замуж по большой любви, посвятила себя семье, мечтала о сыне... Но муж оказался подлецом, семья - обманом, а долгожданный сын так и не родился. А потом Ирена погибла. И вернулась в собственное прошлое, на двадцать лет назад. Судьба подарила Ирене шанс прожить свою жизнь еще раз, и она этот шанс использует на все сто. Говорят, что женщина не может работать детективом? Ирена будет расследовать преступления! Говорят, что девице не пристало спорить? Ирена будет стоять на своем! Говорят, что главное в жизни – это любовь? Ну нет, один раз Ирена уже наступила на эти грабли.

© Стещенко Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	25
Глава 7	28
Глава 8	31
Глава 9	36
Глава 10	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Против течения: вторая жизнь Ирены

Глава 1

Неба здесь не было. Одна только бесконечная темнота — без солнца, без луны, без звезд. И в эту космическую тьму сверлом ввинчивалось брюзжание пани Фабиановой.

— А я тебе говорила... Не нужно было такси брать. Сколько те сумки весили, донесли бы. Ты молодая еще, на тебе пахать можно — а туда же: такси-и-и...

— Матушка, ну хватит уже. Какая теперь разница, — Ирена опустила взгляд на лиф платья. Темно-синяя ткань — именно такая, в какой и подобает ходить пристойной женщине зрелых лет — была девственно чистой. И целой. Ни крови, ни грязи, ни длинного металлического штыря, вонзившегося чуть пониже ключицы. Как будто Ирене все это померещилось.

Вот только оно не померещилось.

— Ну нет уж! Разница есть! — воздела кверху сухой узловатый палец пани Фабианова. — Такси — это три злотых! А извозчик — всего полтора. Можно подумать, Богусь деньги лопатой гребет. Мальчику одеться не во что! Ты видела его выходной жилет? Петли для пуговиц совсем истрепались. Кто же теперь их чинить будет... — старуха судорожно всхлипнула, прижала ко рту желтоватую восковую ладонь. — И понесло же тебя в эту машину проклятую! Как же теперь Богусь — совсем оди-и-ин? — тоскливо завывала она, раскачиваясь на узкой лавке. От этого движения лодка вздрогнула, заколыхалась, и перевозчик в темном балахоне наконец обернулся. Лица из-под капюшона видно не было, хотя вроде бы не такая уж там и глубина — и Ирена в очередной раз задумалась: а есть ли оно вообще, это лицо.

— Не стоит плакать, — голос у перевозчика был ровным и холодным, как стена склепа. — Все ваши беды завершились.

— А ты поговори! Поговори мне тут! — воинственно выпятила узкую воробынью грудь пани Фабианова. — Твое дело какое? Лодкой править? Вот и правь! А рот благородной пани не затыкай!

— Успокойтесь. Пан перевозчик совершенно прав. Все действительно уже закончилось, — в который раз попыталась урезонить свекровь Ирена. Потому что все на самом деле закончилось. Там, на улице воеводы Ружицкого, прямо напротив костела Девы Марии — в крови, звоне разлетевшегося стекла и липкой слизи. Потому что яйца разбились. Ирена сложила их в корзину, чтобы не подавить, но при ударе выпустила ручку. Три дюжины свежайших, кремово-белых яиц вылетели на пол — нет, не на пол, на дверцу, на потолок, потому что пол и потолок внезапно поменялись местами. Вылетели — и растеклись золотыми солнышками желтков.

Совсем свежие яйца. «Ох, как жаль», — успела подумать Ирена до того, как мир затопила чернильная тьма.

А потом к пустынному, стылому берегу причалила лодка. Пани Фабианова презрительно оглядела ветхие, плохо просмоленные борта и поджала узкие губы. Перевозчик, толкнувшись рукой в причал, развернул свою посудину боком. Он не сказал ни слова. Просто ждал, упираясь узким веслом в днище, но Ирена каким-то загадочным образом все поняла без слов.

Они должны сесть в эту лодку.

Обязаны сесть.

Осторожно ступая, чтобы не оцарапать туфли о камни, она двинулась к причалу. Глупо, наверное. Какая разница, целые теперь туфли или нет. Но эту пару она купила всего месяц назад за девять злотых. Вишневая кожа еще сверкала лаковым блеском, золотые пряжки не потускнели — и мертвая ли, живая ли, Ирена не собиралась зря портить эдакую красоту.

Сзади зашелестела ткань. Это свекровь приподнимала широкие юбки вечного траурного платья. К новому стилю она так и не привыкла, открывать щиколотки на всеобщее обозрение отказывалась категорически, называя всех следующих моде девушек развратницами.

Когда Ирена уселась на доски, выпеливая ногами место, куда встать, свекровь оскорбленно охнула.

— Юбку, юбку одерни, — змеей зашипела она в спину, яростно тыкая клюкой в заголившееся колено. — На тебя же мужчина смотрит!

Не обращая внимания на ставший привычным зудеж, Ирена оттолкнулась и соскользнула в лодку. Получилось неожиданно легко, словно она всю жизнь только этим и занималась. Ирена протянула перевозчику две золотые монетки — и откуда они только взялись в руке, откуда они вообще взялись? Никогда у Ирены таких странных монет не было. Мелкие, но неожиданно толстые, с выбитым на одной стороне женским профилем. Фигура в темном капюшоне подставила ладонь — смуглую до черноты, жесткую, с белыми валиками мозолей от весла. Ирена опустила в нее тускло блеснувшее золото. Сзади раздалось натужное злое кряхтение, потом — приглушенный удар. Лодчонка тяжело качнулась, черная масляная вода плеснула в борта.

— Чего ты встала поперек, выбери себе место, — буркнула пани Фабианова. Целомудренно расправив широкие юбки, она уселась спиной к перевозчику.

— Ну что же мы стоим? Трогай, милейший, трогай! Знаешь, Ирена — я не понимаю. Как тебе это вообще в голову пришло? Взять такси! Три злотых только за то, чтобы проехаться от бакалейной лавки до дома. А если еще и продукты посчитать... Яйца, пять фунтов парной телятины, фунт первоклассного масла, полфунта кофе... Все, все пропало. Девять злотых чистого убытка. Ты думаешь, на Богуся деньги с неба падают? Мальчик и так из сил выбивается! Пока ты на такси разъезжаешь. А теперь еще и похороны... Ты представляешь, как это дорого? Тебе-то что, за тебя можно по общему классу заплатить. А для матери Богусь расстареется. Гроб, небось, дубовый закажет, полированный, с маркизовыми оборочками... — в голосе у пани Фабиановой пробились тоскливая мечтательность. — Цветы — розы, белые, я все же вдовица, не вертихвостка молоденькая. Ксендзу дай, хористам дай, за памятник заплати... Это же разорение, чистое разорение! А все ты! Взяла бы извозчика, как нормальные люди...

Зудящий, монотонный бубнеж сверлом ввинчивался в висок. Пани Фабианова причитала и упрекала, подсчитывала непомерные расходы и оплакивала одинокого Богуся. Бесконечно. По кругу. Бесконечно. По кругу.

— Всего-то и нужно было, что экипаж взять! Я сразу так и сказала! Но нет, ты же лучше знаешь... Привыкла, что Богусь ни в чем тебя не ограничивает — хотя стоило бы, стоило бы! Когда умный человек советы дает, прислушиваться надо. Но ты же уперлась на своем: нет, обязательно поедем на такси. Вместо того, чтобы...

— Да не было там извозчика! — рывкнула, не выдержав, Ирена. Свекровь выпучила на нее водянистые круглые глаза и замерла, нелепо приоткрыв рот. — Только такси! А вы сами мне плешь проели: нога болит, спина болит, в боку колет. Сил никаких идти нет, еще и сумки тяжелые. Что мне, по-вашему, делать нужно было? На руках вас нести, что ли? А телятину в зубы прихватить, чтобы два раза не бегать?

— Ты... Ты... Ты ч-что себе п-позволяешь! — голос постепенно возвращался к пани Фабиановой — пока запинаящийся, слабый, с каждым словом он обретал крылатую убийственную силу. — Где твоё воспитание?! Говорила я Богусю, что жену нужно из ровни брать. Но нет, спутался с безродной торговкой — и вот, пожалуйста! Получите! Законную свекровь, вторую мать свою не уважает! Больными ногами попрекает! Нет, вы только послушайте, — обернулась она к перевозчику, застывшему безмолвной тенью. Веслом он не шевелил, кажется, это было не нужно. Лодка сама шла поперек течения, мягко взрезая густую, как нефть, воду. — Вы слышали? Нет, вы слышали? — указующий перст пани Фабиановой ткнулся Ирене под ключицу. Ровно туда, куда вонзился металлический штырь.

Интересно, что это было? Какая-то деталь из кресла шофера? Может быть, из двери? Или вовсе в окно прилетела... Хотя не было там уже никакого окна.

— И эту змею я на груди пригрела! Годами терпела ее, ни словом не попрекнула. Заботилась, как о родной дочери, учила, воспитывала. И что же я получаю в благодарность? Укоры! Одни лишь укоры! Год за годом...

За годом. За годом. За годом.

Перед Иреной вдруг предстала эта бесконечная череда лет — начинающаяся здесь и сейчас, она вытягивалась, извивалась змеей и таяла в тумане безвременья.

Загробная жизнь — это ведь навечно. Отныне и присно, и вовеки веков.

Аминь.

Ирена встала.

— Да пропадите вы пропадом с вашим извозчиком, матушка! — громко, внятно, словно со сцены объявила она. И сиганула в воду.

Сзади что-то вопила свекровь, заволновался, заметался вдоль борта перевозчик. Ирене было плевать. Широкими яростными гребками она двигалась к берегу, стремительно удаляясь и от лодки, и от перевозчика, и от вельможной пани Фабиановой. Так, как плавала в детстве — когда была не Иреной Фабиановой, а всего лишь Иркой Забельской, дочерью торговца мануфактурой. Одна туфля, соскользнув с ноги, бесследно исчезла в глубине, за ней последовала вторая, но Ирена не останавливалась. Упорно и неостановимо она пробивалась к берегу через странно густую, отдающую металлом и тиной воду.

Вечность! С этой старой сквалыгой! Ну вы только подумайте! Что же, скажите, такого ужасного сделала в своей жизни Ирена, чтобы заслужить это? Костел ограбила? Богадельню подожгла? Сиротский приют разорила? За какие такие грехи бог посылает ей вечность в обществе пани Фабиановой?!

Ну нет. К дьяволу. Идите все к дьяволу! Пусть пани Фабианова Сатане мозги кольцами завивает. А она, Ирена, отказывается это терпеть! Хоть в ад, хоть в рай, хоть в чистилище — только бы подальше от этой холеры скрипучей.

Вот что за человек-то такой, а? Умерла ведь, скончалась, трагически и безвременно. Ну так заткнись же ты наконец! Закрой свой черный бездонный рот, помолись, о душе подумай. Черти бы драли тебя, и Богуся, и весь шляхетный род Фабианов, чтоб ему пусто было!

Причал был уже совсем близко, но ни лестницы, ни хотя бы поручней Ирена на нем не видела. Что, в общем-то, разумно. Кто бы по ним должен был подниматься — из этой реки?

Справа берег шел под уклон, у подножья скопилась какая-то мерзкая муть, колыхались черные хлопья водорослей. А вот слева тянулась пологая песчаная отмель, чистенькая и приветливая. К ней-то Ирена и направилась. Течение у реки было слабое, а заряд удушающей ярости — огромный. Ирена без труда преодолела несколько саженей и встала на ноги. Илистое липкое дно немедленно облепило стопы, склизкой жижей просочилось между пальцами. Ирена вытерла ладонью лицо, помотала головой, стряхивая воду, и медленно двинулась к берегу. Шаг. Другой. Третий. Мокрое платье обвилось ноги, неощутимый до этого ветер впился в кожу ледяными иглами. Еще шаг. И еще. Вязкий ил сменился песком, низкая черная вода лениво толкнула под колени, омыла щиколотки, коснулась босых ног... Ирена ступила на берег.

И проснулась.

Глава 2

По низкому белому потолку бежали трещины. Это было привычно, это было нормально — вот только бежали они не в ту сторону. Не из правого угла в центр комнаты, а из левого, вдоль стены. Несколько секунд Ирена рассматривала это загадочное явление природы, потом повернула голову. И громко охнула.

Комната была другая!

Исчез трельяж из палисандра — осколок великолепных былых времен. Пятьдесят лет назад дед Богусь привез его из Махаджанапада, с тех пор трельяж служил неизменным символом успеха и процветания. Даже спустив все состояние, Богусь так и не решился продать его, хотя в деньгах нуждался отчаянно. Но теперь трельяжа не было. И круглого столика у окна не было. И вытертого до нитяной основы, выгоревшего до блеклости, но все же персидского ковра.

Исчезло кресло у стены.

Исчезла бумажная ширма, расписанная нихонскими журавлями.

Исчез платяной шкаф в углу.

Да и сама комната ужалась раза в два. Как, собственно, и кровать. Прежде двуспальная, теперь она стала узкой-узкой, на такой и одному человеку тесновато лежать.

Ирена медленно села, ощутив босыми ногами не паркет, а грубые доски пола.

В углу непонятной комнаты разместился умывальник — маленький, с коротким краником, похожим на загнутый птичий клюв. У окна стоял стол — не круглый, а письменный, с широкой тяжелой тумбой. Вместо шкафа вдоль стены тянулась гардеробная стойка, на ней висело несколько платьев — голубое, кремовое, салатное. И белое. В мелкие, сливочно-розовые розы. Когда-то у Ирены было такое платье... А к нему шляпка — тоже розовая, и тоже с розами. Но уже с белыми.

Вот же она. На крючке висит.

Книги на полке... Вон та, темно-синяя — Ирена готова была поспорить, что это Пабис. «О природе макрокинетических заклинаний». И корешок надорван... А красная — Абель. «Бытовые трансмутации для начинающих — теория и практикум».

Медленно, как замороженная, она встала. Подошла к полке, коснулась пальцами пестрых картинок, выставленных перед книгами в ряд. Вот Анджей Матецкий, первый тенор в Княжеской опере. Ох и нравились же Ирине его усы! Вот Вацлав Черный, звезда синемаатографа. Как он блистал в «Тайной страсти графа Росселя»! Ирена раз семь покупала билеты на сеанс. И два раза ходила на фильм с Богусем.

Вот вырезки из «Королевы моды». Вот открытка с котятками. А вот и она, Ирена... Обнимает за талию Алицию, а высокая Марта стоит сзади, положив им руки на плечи.

Как же она плакала, обнаружив, что эта фотография пропала.

Ирена нежно погладила пальцем широкий подол светлого платья Алиции. В девятьсот седьмом она умерла. От пневмонии. Ирена тогда жила на севере, в Норштыне. Когда пришла телеграмма от Алиции, она хотела приехать... Но Богусь не отпустил. Ведь дорога такая длинная, мало ли что случится с одинокой женщиной.

А сам он был ужасно, ужасно, ну просто невозможно занят.

И освободился только через две недели. Когда Алиция умерла.

Ирена еще раз погладила пальцем фотографию. Совсем новую, гляцевую, не успевшую вылинять фотографию.

Развернулась к столу, пододвинула к себе тетрадки.

«Бытовая деконтаминация*. Практика. Ирена Забельская».

«Реновация материальных объектов. Лекции. Ирена Забельская».

«Реновация материальных объектов. Лабораторные работы. Ирена Забельская».

Стремительный, уже утративший старательную школьную округлость почерк. Ее почерк. Рисунки на полях — дамские профили, цветы, птицы. Ее рисунки.

Внутри нарастало странное чувство — предчувствие то ли катастрофы, то ли чуда, а может, и того, и другого разом. Старательно не глядя перед собой, Ирена медленно двинулась к зеркалу. Опустив глаза, она внимательно рассматривала пол — каждую дощечку, каждую трещинку в бурой, поднявшейся пузырями краске. Когда показалась облезлая рама, изгрызенная справа неведомой собакой — благодаря этому дефекту удалось выторговать у прошлой владелицы зеркала целых два гроша! — Ирена остановилась. Глубоко вдохнула. И подняла взгляд.

На нее смотрела юная девица едва ли двадцати лет от роду.

Хотя нет! Не двадцати. Девятнадцати. Деконтаминацию и реновацию на последнем курсе ведь проходили!

Ирена пригладила пятерней буйную гриву волос. Натянула кожу на лбу — ни единой морщинки, гладкая, как яйцо! И шрамик под глазом. Тот, что появился, когда она упала в гостиной. Перед тем, как... Перед тем, как... Перед тем, как все окончательно поломалось.

Шрамика не было. Как не было всех лет, о которых Ирена предпочитала не думать, не вспоминать, не сожалеть.

Ей снова девятнадцать! Опять, спасибо тебе, Иисус, спасибо, Дева Мария, святая Ирена Македонская, святой Петр, открывающий врата перед умершими... Всем, всем спасибо, она купит свечку, нет, она купит десяток свечей, сотню, устави́т свечами весь костел, закажет благодарственную мессу и накроет во дворе стол для бездомных. Ей снова девятнадцать!

Ирена не знала, как это получилось, этого не могло быть — однако вот оно, зеркало, вот они, учебники на полке. За окном весна, нежно и сладко пахнет цветущая яблоня, зефировым облаком раскинувшаяся во дворе. Значит, экзамены уже закончились, она защитила проект и можно забрать диплом! Да, это всего лишь бытовая магия — не целительство, не артефакторика, не инженерия. Но диплом есть диплом — и в этот раз Ирена обязательно его заберет!

Громкий стук в дверь вырвал Ирену из лихорадочной, восторженной эйфории.

— Да? Кто там?

— Что значит — кто? Я это. Пани Какуба. А ты кого ждешь с утра пораньше? — хмуро откликнулись из-за двери.

— Ой. Да. Конечно. Пани Какуба, — Ирена смутно помнила эту высокую, широкоплечую женщину, вечно чем-то глубоко озабоченную. — Что случилось, пани Какуба?

— Прачка твое белье принесла. Платить сейчас будешь или на счет записать?

Ирена растерянно моргнула. Наверное, у нее были деньги — отец исправно присылал помощь, да и работа в лавке приносила стабильный доход. Но где они? Вроде бы она прятала монеты под матрас... Или в ящик стола? Может, в книги?

— Запишите на счет, — решила наконец Ирена. Прямо сейчас не стоит привлекать внимание странной забывчивостью. А потом, попозже, Ирена обыщет комнату и разберется, где тут и что лежит.

— Как скажешь.

Тяжелые медлительные шаги удалились. Ирена снова пригладила волосы, окинула себя в зеркало восхищенным взглядом.

Девятнадцать лет! Господи, как же она была хороша в девятнадцать!

Слава тебе, дева Мария, ныне, и присно, и во веки веков.

По улице прогрохотал колесами экипаж.

— Свежее молоко, масло, сметана, творог, простокваша! — протяжно и заунывно, словно муэдзин, затянул привычный речитатив молочник. — Свежее молоко, утречком подоили, масло соленое, масло сладкое, творог крупяной и грудкой, простокваша пря-я-я-яженная-я-я!

Ирена высунулась в окно. По брусчатке важно шествовала толстенькая соловая лоша- денка, степенно помахивая хвостом. Она тащила крытую холстиной повозку, на козлах кото- рой восседал...

— Пан Мариуш! — вспомнила имя Ирена.

— О, Иренка! Доброе утро, — радостно замахал ей рукой пан Мариуш. — Тебе чего? Творожка, как обычно?

— И сливок. И сметаны! — рассмеялась Ирена. Теперь можно было не считать количе- ство съеденного, бока начнут расплываться только лет через десять. — Запишите на мой счет!

— А как же! Сейчас все сделаю, — молочник натянул вожжи, и лошадка остановилась, всхрапнула, лениво взмахнув хвостом. — Ты спустишься?

— Нет. Оставьте у пани Какубы, — уже почти уверенно отозвалась Ирена.

Даже если она не делала так раньше, вряд ли молочник сильно удивится. Квартиранты редко спускаются вниз за заказом. Взрослые квартиранты, по крайней мере. Те, у которых достаточно денег, чтобы оставлять чаевые консьержам.

Ох! Кстати! Деньги же!

Ирена обернулась, нашаривая взглядом часы. Обычно она клала их на прикроватную тумбочку... Именно там они и обнаружили. Крохотные, дешевенькие, на кожаном ремешке. Короткая стрелка заползла за семерку, а длинная уже отщелкала четверть часа.

Пятнадцать минут восьмого!

Если сегодня суббота — а сегодня определенно суббота, вон, мальчишка размахивает пачкой газет, а «Вавельские новости» выходят только в субботу — значит, на работу к девяти! Пора собираться!

*Деконтаминация — в медицине удаление микроорганизмов с поверхностей. Здесь — просто очищение в широком смысле слова.

Глава 3

Пан Цысек встретил Ирену приветливой улыбкой.

— Ты сегодня пораньше пришла? Вот умница девочка! Моя помощница! Давай-ка, протри витрину над пряжками, чтобы блестела, расставь каталоги с пуговицами, а я пока новые ткани вынесу. Вчера вечером Сташек такой муслин привез — глаз не оторвать. Цвета, ах, какие цвета... — всплеснул сухонькими желтыми ладошками пан Цысек. — Райский сад, а не цвета. Сейчас все к лету обшиваются, у нас этот муслин с руками оторвут!. А шелк... ты бы видела этот шелк. Не в нихонском стиле, от нихонского я отказался. Что бы там ни говорил пан Тихманович, Нихония уже вчерашний день. Уж я-то знаю! Наелись покупатели Нихонией по горлышко. В прошлом сезоне брали, а в этом не будут. Теперь им что-то новое подавай. Я заказал галльский, с цветочным орнаментом. Ничего пестрого, ничего кричащего — только матовые узоры тон в тон. После яркой Нихонии будет приятным контрастом...

Желтая и блестящая, как полная луна, лысина пана Цысека мелькала то там, то здесь. Он говорил, говорил и говорил, не замолкая ни на минуту. Широкими мазками набрасывал сияющее будущее галльского шелка, обосновывал сокращение закупок тафты — потому что широкие юбки уходят из моды, совершенно точно уходят, а кто этого не хочет видеть, тот совсем уж слепой.

— А еще я стеклянных пуговиц заказал. Да, раньше не самый ходовой товар был, но сейчас, я уверен, торговля пойдет. Потому что к однотонному шелку другого-то не поставишь. Из кости скучно, из перламутра — банально. Жемчуг будет хорош, но жемчуг не каждая купит... А стекло — аккурат что надо! Цвет чистый, форма изящная, вроде и украшает — но и внимание не отвлекает. Ты посмотри новые образцы, поприкладывай к тканям, — крохотный, subtilный, как эльф, пан Цысек выпорхнул из-за стеллажей, с которых широкими птичьими крыльями свисали отрезы набивного ситца. — Будешь покупательнице к шелку сразу и пуговицы предлагать. Слушай, Иренка... — он замялся, смущенно пригладил одуванчиковый пух над ушами. — Ты же учебу закончила, так?

Ирена молча кивнула. Она знала, о чем пойдет разговор — потому что хорошо его помнила. Пан Цысек сейчас предложит ей место продавщицы — с перспективой войти в совладение магазином. Тогда она отказалась, потому что уже знала свое будущее. Она, Ирена Забельская, выйдет замуж за Богуслава Фабиана. А разве может шановная пани Фабианова работать в лавке?

Но то тогда...

— Вот и молодец. Учеба, она всегда на пользу, хоть парню, хоть девице, — глубоко-мысленно закивал пан Цысек. — Учеба мозги развивает, а без мозгов человеку никуда. Моя Даринка... — он запнулся, рвано, прерывисто вздохнул. — Даринка тоже хорошо училась. Я надеялся, она потом на мое место встанет. Но не дал бог, не дал... Вот я и подумал. Иренка, девочка. А ты не хочешь ко мне продавщицей пойти? Не помощницей, как сейчас, а на полный контракт? Чтобы на весь день. А я тебе и отпуск выделю — недели две, не меньше, и на все церковные праздники выходные. Разве ж я зверь какой, чтобы юную душу к молитве не отпустить? Дело ты уже знаешь, будешь работать, продавать — а я начну тебе бухгалтерию показывать. То, се, тут немного, там немного... Ты быстро выучишься! — пан Цысек, воодушевляясь, говорил все быстрее и быстрее. На носу у него проступили капельки пота, полумесяцы очков вспыхивали в косых лучах утреннего солнца. — Жить можешь прямо тут, над лавкой. На втором этаже и спальня есть, и кухня, и ванная. Без горячей воды, правда — но долгое ли дело на плите согреть? Зато бесплатно! И удобно. Не нужно по улицам грязь собирать, по лестнице спустилась — и уже на месте. Ну, как? Согласна?

Пан Цысек умолк, нервно путая в пальцах портновский метр. Он ждал ответа. А Ирена не знала, что отвечать. Правильное решение было очевидным. Конечно, она должна была согласиться! Сорок лет назад пан Цысек потерял дочь, ту самую Даринку, о которой так часто вспоминал. Потом умерла жена, сын уехал в Федеративные штаты после какой-то неприятной истории с игрой в карты. Старенький, одинокий пан Цысек привязался к юной помощнице, искренне заботился о ней и опекал — в меру своих невеликих сил. Если Ирена собирается отказать Богусю — а она определенно собирается! — нужно использовать эту возможность. Это же такой шанс! Богатая лавка в столице, в хорошем, бойком месте — на перекрестье двух улиц, одна из которых ведет к костелу, а вторая — к ярмарочной площади. И совладение... Не сейчас, в перспективе, но сколько той перспективы осталось. Пану Цысеку уже семьдесят восемь. И место Ирене он предлагает как правопреемнице и наследнице. Нужно быть полной дурой, чтобы этого не понять.

Стабильная, надежная работа. Постоянный доход, который может быть больше, может быть меньше, но никогда не иссякнет полностью. Никаких страхов, никаких переживаний. Тихая, спокойная жизнь среди бесконечных рулонов тканей, бобин кружева, россыпей пуговиц.

Хочет ли этого Ирена?

Чего она на самом деле хочет?

— Это очень серьезное предложение, — скромно потупила очи Ирена, придавая лицу приличествующее ситуации выражение — кроткое, нежное и смущенное. — Мне нужно подумать.

— Конечно! Подумай! Подумай, деточка, отчего же не подумать, — пан Цысек, расплывшись в беззубой улыбке, потрепал ее сухонькой ладошкой по плечу. — Ну, я пойду тогда. Нужно новый товар подготовить. А ты пока тут похлопочи. И не забудь табличку, мы уже пять минут как должны были открыться.

Кивнув, Ирена торопливо направилась к двери. «Лучшие кружева и ткани для дам» открывались ровно в половине десятого, это незыблемое правило соблюдалось годами. Ирене даже неловко стало, что именно она оказалась причиной столь вопиющего нарушения традиций. Перевернув деревянную дощечку другой стороной, Ирена возвестила всему миру, что теперь заведение «ОТКРЫТО». И щелкнула замком. Обычно после этого ничего не происходило. Никто не станет дежурить у крыльца, чтобы ворваться в магазин тканей. Это ведь не аптека и не пожарная служба. Но сегодня был особенный день.

Очень, очень особенный.

— Приветствую, — пани Фабианова величественно вплыла в дверь, задев Ирену широким подолом траурного платья. Такой фасон уже лет двадцать как не носили — с роскошными драпировками полонез, стекающими от талии каскадом черного шелка, с турнюром, подпирающим юбку ниже спины, отчего бедра казались широкими, а талия — узкой и хрупкой.

— Добрый день, — Ирена отступила в сторону, пропуская первую посетительницу в магазин. Конечно, она ничего не будет покупать, но правило есть правило: клиенткам в «Кружевах и тканях» всегда были рады. — Вы очень удачно зашли, пани Фабианова. Вчера вечером к нам привезли партию шелка — совершенно нового, такого пока ни у кого нет. Желаете посмотреть?

— Нет. Я хочу... Я хочу... — глаза пани Фабиановой растерянно скользили по полкам. — Вот! Я хочу белый ситец. Тонкий, для ночной сорочки.

— Отлично! Сейчас подберу вам самый лучший, — Ирена, присев в вежливом книксене, устремила к стеллажам. Работа была напрасной — никакого ситца пани Фабианова не хотела. Но обнаруживать это знание Ирена не могла, а потому стащила тяжеленный рулон с крепления и поволокла к раскроечному столу. — Вот, посмотрите. Тонкий, но не просвечивает, мягкий, к коже так и ластится. И шовчик получается тоненький, — она свернула ткань в рубчик, позволив

пани Фабиановой оценить его толщину. — Если хорошими нитками шить, вы эту рубашку на теле вообще не почувствуете.

— Да-да, замечательно... — пани Фабианова бездумно мяла ситец в руках, перебегая взглядом от пуговиц к пряжкам, от полок с нитками к сверкающему арсеналу иголок и спиц. — Чудесный шелк...

— Это ситец, — не удержалась Ирена. В этой поправке было столько же смысла, сколько и в восхвалениях ткани, но игра удивительным образом затягивала. Как будто ты приняла на себя роль, от которой уже не могла отказаться — даже если понимала, что зритель не смотрит на сцену.

— Да, конечно. Ситец. Это ситец... — пани Фабианова прикусила узкую губу.

Сейчас она была хороша. Все еще хороша — хотя давно перешагнула пятидесятилетний рубеж. Сколько ей сейчас? Пятьдесят пять? Пятьдесят шесть? Тонкое нервное лицо, еще сохранившее строгий абрис, огромные глаза цвета темного шоколада. Волосы каштановые, блестящие — уже с инеем, но пока не выбеленные сединой.

Роскошная траурная шляпа, увенчанная траурными же перьями цапли, черным нимбом парила над пани Фабиановой, подчеркивая утонченную аристократическую хрупкость и белизну кожи.

Наверное, когда-то пан Фабиан был без ума от своей жены.

«А ведь она могла бы еще раз выйти замуж», — с удивлением поняла Ирена. Тогда, из сияющих девятнадцати лет, будущая свекровь казалась ей безнадежной старухой. Конечно — ведь в тридцать жизнь уже кончена, а после сорока люди годятся только на музейный экспонат. Но нет! Нет же! Пани Фабианова была чудо как хороша. И вполне молода — для какого-нибудь пятидесятилетнего отставного военного.

Но пани Фабианова не интересовали отставные военные. У нее был сын, Богусь. Любимый, единственный и ненаглядный.

— Ирена... Можно, я буду так тебя называть? Ведь мы же почти родственники, — по узким губам пани Фабиановой скользнула улыбка, короткая и злая, как удар ножа.

— Конечно, — смиренно потупилась Ирена. — А вы разрешите мне звать вас... мамой?

Удар попал в цель. Пани Фабианова перекосило так, словно она орех большим зубом раскусила.

— С этим, думаю, не стоит торопиться. Вдруг ты не захочешь выходить замуж, — пани Фабианова сделала крохотный шагок, приблизившись к раскрытому столу.

— Как это — не захочу? — с деланным изумлением округлила глаза Ирена. — Все уже решено, я дала согласие! Я люблю Богуса, он любит меня... Мы будем так счастливы!

Кажется, ликование в голосе получилось слишком уж пламенным, но пани Фабианова не обратила на это внимание.

Не до того ей было.

— Ну отчего же. Всякое в жизни случается, — она сделала еще шагочек. — Юным особам свойственно непостоянство. Я не хочу сказать, что ты ветреная, нет-нет! — осознав ошибку, пани Фабианова энергично замотала головой. — Просто иногда девушки понимают, что они не готовы пока к браку. Или появляются обстоятельства, позволяющие по-новому взглянуть на этот союз...

— Это какие же обстоятельства? Вы хотите сказать, что у Богуса есть другая?

Есть, и не одна — но ничего этого пани Фабианова сказать не хочет. У нее совершенно другая цель, о которой Ирена прекрасно знала — и в этот раз собиралась использовать ситуацию по максимуму.

— Ну что ты! — оскорбленно всплеснула руками пани Фабианова. — Богусь — порядочный молодой человек! Просто... я... Я подумала, что...

Она мялась, не зная, как подойти к делу. Ирена терпеливо ждала.

— Я подумала, что у тебя, вероятно, имеются финансовые трудности, — наконец-то решила пани Фабианова. — В чужом городе одинокой девушке прожить непросто....

— Мой отец хорошо зарабатывает, — тут же отбила неловкую атаку Ирена. — Он присылает достаточно денег.

— О. Вот как, — раздосадованно поморщилась пани Фабианова. — Но ты подрабатываешь в этой лавке...

— Чтобы не терять время зря. Все равно мне в выходные нечем заняться. А праздность ведет к греху, — вовремя вспомнила цитату из проповеди Ирена.

Ну ты подумай. Даже нудный бубнеж ксендза Теляцкого на что-то годится — если подойти к делу с фантазией.

— Да-да. Конечно. Ты совершенно права. Труд замечательный воспитатель, особенно для юных душ, — пани Фабианова набожно возвела очи горе. — Но... иногда ведь хочется и отдохнуть. Позволить себе приятную покупку. Билет в театр. Горячий шоколад с пирожным.

— Я могу купить себе пирожное, — снова пресекла атаку Ирена. — И в театр регулярно хожу, и в кинематограф. Даже в опере бываю. У меня есть деньги, пани Фабианова. Не понимаю, к чему вы клоните.

— Я? Клоню? Ну что ты, — натужно захихикала будущая свекровь. — Я просто зашла поговорить. Мы ведь должны лучше узнать друг друга!

Ну да. Конечно. Именно поэтому ты поджидала открытия лавки прямо под дверью. Хотя поговорить и в кафе можно было, и на лавочке в парке. Вот только в любом другом месте Ирена могла встать и уйти. А в лавке она работала — к тому же не имела права грубить покупателям.

— О, это так приятно, — старательно изображая смущение, потупилась Ирена. — Я тоже думаю, что нам нужно познакомиться поближе. Скоро вы станете мне второй мамой!

Пани Фабианова совершила невозможное. Она не заскрипела зубами.

— Именно так. Скоро мы породнимся. Поэтому я хочу стать для тебя поддержкой и опорой. Если у тебя есть денежные трудности... Эту проблему можно решить разными путями.

— И какими же? — наивно округлила глаза Ирена.

Пани Фабианова сделала еще один, последний шаг, вплотную приблизившись к столу. Теперь Ирена ощущала запах ее духов — острый, горько-сладкий, похожий на аромат тронутых первыми заморозками хризантем.

— Если тебе нужны деньги — я могу их дать, — пани Фабианова извлекла из черного ридикюля черный же бархатный мешочек и опустила его на стол. Внутри тяжело звякнуло.

Вот в этом месте Ирена в прошлый раз совершила ошибку. Когда поняла, куда клонит будущая свекровь, когда осознала смысл этих странных намеков — она ужасно, чудовищно оскорбилась. Расплакалась, раскричалась, отбросила мешочек, словно ядовитого скорпиона.

М-да. Правильно говорил отец: молодая девка — глупая девка.

— Это за что же, интересно, вы предлагаете мне деньги? — выгнула бровь новая, умная Ирена. — Неужели просто так? Как будущей дочери?

— Нет. Не совсем, — уловив в ее голосе интерес, пани Фабианова взбодрилась. Голос у нее стал увереннее, движения — легче. — Я хочу, чтобы ты отказалась от свадьбы. Понимаю, это крайне странное предложение, — тут же зачастила она, не давая Ирене возможности возразить. — Но подумай! С хорошим приданым ты легко найдешь другого жениха. А Богусь... Богусь слишком молод для брака. Но он влюблен, он пылает от страсти, а потому не слушает никаких советов. Вот я и решила, что нужно побеседовать с тобой. Мы, женщины, намного разумнее мужчин. Мы всегда прислушиваемся к голосу здравого смысла.

Ну надо же. В прошлой версии разговора пани Фабианова уже кричала, что Ирена — подлая интриганка, грязным развратом затянувшая мальчика в свои сети. А сейчас — ты посмотри, как мягко стелет.

Ирена молчала, задумчиво глядя на черный мешочек.

— Здесь сто злотых, — торопливо уточнила пани Фабианова, нервно поправив кружево на рукаве.

— Сто злотых? Хм. Как дешево вы, оказывается, цените собственного сына.

Пани Фабианова шокировано приоткрыла рот.

— Что?.. Что ты?..

— А почему нет? — равнодушно пожала плечами Ирена. — Вы пришли сюда, чтобы предложить в обмен за сына золото. Значит, уверены, что мои чувства можно купить. Но цену предлагаете просто смешную.

— Я... Ты... Да как ты!.. — захлебнулась негодующим клекотом пани Фабианова. — Да как ты смеешь!

— Я всего лишь опускаюсь до того уровня беседы, который выбрали вы, — растянула губы в любезной улыбке Ирена. — Вас что-то не устраивает? Можем завершить разговор. У меня, знаете ли, много дел. Нужно к свадьбе готовиться, — Ирена жестом хорошей девочки сцепила на фартуке руки.

Несколько минут пани Фабианова только шумно дышала, сжав до белых ногтей кулаки. Потом закрыла глаза, глубоко вдохнула и расслабила руки.

— Хорошо. Я тебя поняла. Сколько ты хочешь?

— Пятьсот, — уверенно отрубил Ирена.

Когда-то свекровь брякнула ей, что рассчитывала потратить на эту странную сделку триста злотых — но Ирена оказалась настолько глупой, что упустила свой шанс.

А где триста, там и пятьсот. Богусь пока не просадил состояние в карты, Фабианы достаточно богаты — могут себе позволить широкие жесты.

— С ума сошла? Это же целое состояние!

— Ну что вы. Давайте-ка посчитаем, — потянулась за записной книжкой Ирена. — Свадебная церемония в костеле Пресвятого Духа — пятьдесят злотых минимум. Букеты, венки, гирлянды из цветов — еще двадцать, это уже семьдесят. Нанять слуг для праздничного обеда...

— Хватит! — судя по тому, как перекосило пани Фабианову, грядущее торжество она вообразила в деталях. — Хватит. Триста злотых.

— Нанять слуг для праздничного обеда — злотых пятьдесят, не меньше. Вы же не будете половых из трактиров звать, а хороший лакей меньше трешки за вечер не возьмет. Да повара еще — не какие-нибудь, а галльские, чтобы перед родней не стыдно было, — безжалостно продолжила пытку Ирена.

— Ладно! Ладно. Пятьсот, — выкинула белый флаг пани Фабианова. — Но сто злотых я выпишу чеком.

— Ну нет, — теперь Ирена уже откровенно ухмылялась. — Чек вы можете заблокировать. А можете показать Богусю, он оскорбится и сам разорвет помолвку. Поэтому пятьсот — и прямо сейчас. Иначе я сегодня же вечером пожалуюсь Богусю, что вы пытались меня подкупить. Но я слишком его люблю, чтобы согласиться на подобную низость.

— Ах ты ж сука, — голос у пани Фабиановой стал на удивление спокойным. — А такой миленькой кажешься. Невинной.

— Сюрприз! — весело подмигнула ей Ирена. — Ну что? У вас есть с собой пятьсот злотых?

— Да. Вот, — перевернув ридикюль, уже неслучившаяся свекровь вывалила на стол монеты. Отсчитав нужное, она сгребла остаток обратно в сумочку. — И провались ты пропадом. Видеть тебя больше не могу.

— Аналогично, дорогая моя, — нежно протянула Ирена. — Аналогично.

Оттопырив широкий карман на фартуке, она быстрым движением смахнула туда деньги. А жизнь-то начинает налаживаться!

Глава 4

Мужчина, проходивший мимо кафе, с бесцеремонным интересом уставился на Ирену — и тарасился не отрываясь. Конечно, благовоспитанная девица сделала бы вид, что не замечает такого навязчивого внимания. Но удержаться от соблазна было невозможно, поэтому Ирена на мгновение скосила к переносице глаза и высунула язык. Мужчина, вздрогнув, немедленно отвернулся и продолжил свой путь, но уже несколько деревянной походкой.

Вот ведь странно! Прошло только двадцать лет — а как поменялись нравы! Хотя нет. Не поменялись. Поменяются. Это теперь будущее, а не прошлое. В будущем девушка, одиноко сидящая за столиком, будет самым обычным явлением. Ну захотелось человеку перекусить, что ж тут такого. А сейчас, сейчас! Ирена обернулась, окидывая взглядом террасу. В глубине угощалась мороженым парочка — хорошо одетый юноша и девица в сером платье инстинтутки. У перил шумно обсуждала цены на овечью шерсть компания немолодых мужчин, запивая биржевые новости коньяком. Напротив, бросая на овцеводов заинтересованные взгляды, о чем-то шепталась парочка женщин чуть за тридцать в строгих, изящных, но небогатых платьях.

Единственной одинокой женщиной в кафе была Ирена. И ее это более чем устраивало. Отломив ложечкой краешек бисквитного пирожного, она лениво лизнула сливочный крем.

Ну... так себе. Приятно, но не шедевр. А память почему-то сохранила птифуры в «Домино» как вершину вкуса. Недостижимый идеал, за которым современным кондитерам не угнаться. Но заказ уже был сделан, а бросаться деньгами Ирена не привыкла. Поэтому вяло подъедала бисквитную монетку, щедро залитую клубничным сиропом и сливками.

Нужно что-то решать.

Предложение пана Цысека было щедрым. Невероятно щедрым. Оно гарантировало спокойное, безбедное будущее... Или не гарантировало. Топтал ведь землю с той стороны планеты Марин Цысек-младший. Согласится ли он с таким решением отца? Или поспешит в суд, чтобы оспорить его?

Родной сын, прямой наследник, к тому же мужчина — и сомнительная девица, неизвестно каким образом уломавшая старика на безумный поступок.

Никто никогда не поверит, что пан Цысек все это придумал сам. Пожилой мужчина, юная провинциалка — и вот ведь удивительное совпадение! Эта провинциалка прямо перед заключением контракта рассталась с женихом. Весьма родовитым и состоятельным. Чуть ли не накануне свадьбы. Почему? Ну очевидно же, почему! Потому что жених узнал о ее тайной связи с паном Цысеком! Но хитрая провинциалка не растерялась — едва с горизонта исчез один мужчина, немедленно вонзила когти в другого. И оттяпала у бедного дедушки лавку. Ограбив тем самым не только самого пана Цысека, но и всех потенциальных наследников.

Да... Будь Ирена судьей, она бы именно так и подумала. Правда, она потребовала бы от обвинения доказательств... И обвинение обратилось бы к семейству Фабиан. А уж пани Фабианова насчет доказательств расстарается...

М-да. Печальная получается картина.

Но бог с ним, с Цысеком-младшим. Может, он помер давно. А может, стал миллионщиком и плевать хотел на какую-то там мануфактурную лавку. Ну или не хотел — но искренне раскаивается, что бросил старика-отца, а потому претендовать на наследство не будет.

Ирена станет владелицей лавки и просидит в ней всю жизнь.

И... что? Как ей такой вариант будущего?

Ирена снова отломил кусочек пирожного, запила его омерзительно-теплым, перестоявшим кофе.

Каждый день отпирать дверь, каждый день улыбаться покупательницам, разматывая перед ними версты и версты полотна. Терпеть жалобы и придирки, слушать бесконечную болтовню, решать нерешаемое и создавать невозможное.

Вы хотите, чтобы платье из бязи* смотрелось, как муслиновое?

Вы хотите из отреза на восемь аршин выкроить юбку, которая требует пятнадцати аршин? Вы хотите на блузе рукава-жиго**, но такие, чтобы не мешали в теннис играть?

Она собирается провести жизнь именно так?

Ирена надавила ложечкой, и завиток розового крема сплющился, растекся по блюдцу уродливой кляксой.

Как же хреново устроена жизнь. Как бы ты ни старалась — никогда не получаешь того, чего хочешь. Мечтала о счастливой семье? Н-на. Получай в мужья тупоголового самовлюбленного мальчишку. Мечтала о светлом, уютном доме? Вот тебе крохотная квартира, в которой что не ломается, то отваливается, да и та в наем. Мечтала о ребенке...

Скривившись, Ирена махом опрокинула в себя остаток кофе. Мутная взвесь закрипела на зубах. Отшвырнув ложечку, она взмахнула рукой.

— Официант! Счет, будьте любезны!

Тут же за левым плечом образовался вертлявый юноша. Обильно намаженные светлые волосы гладко облепили его круглый череп.

— Девять грошей, ясная панночка.

— Сдачи не нужно, — Ирена уронила в подставленную ладонь монету в десять грошей.

Даже сейчас, когда бог — или судьба, или дьявол — когда какая-то великая, загадочная сила подарила второй шанс — жизнь все равно завязывается в узел. Ускользнула от брака с Богусем — вот тебе лавка в четыре стены. Сиди в ней, жди невесть чего. Скучай, толстей и старей.

Ирена шла по тротуару, нервно отбивая по бедру такт сумочкой. Вечернее солнце, сползая за рыжие крыши домов, вспыхивало в витринах, заливая улицу призрачным золотым светом. Гулким ульем гудела толпа, лаяли собаки, ржали лошади. Колеса экипажей оглушительно грохотали по брусчатке — все эти звуки были такими знакомыми и такими чужими. Там, откуда Ирена вернулась — и куда обязательно попадет снова — улица звучала иначе. Нет, люди остались, как и собаки — а вот лошади почти исчезли. А вместе с ними крики извозчиков, гром и лягз проносившихся мимо пролетов. На смену им пришел звук двигателя — тяжелый, раскатистый, голодный. Словно кто-то выпустил на улицу стаю львов.

И эти львы гадили бензином.

— Эй, панночка, поберегись!

Ирена замерла, ухватившись рукой за фонарный столб. Мимо нее пролетело щегольское ландо, алая обивка сидений полыхнула пламенем перед глазами. Вольготно развалившийся юноша в полосатом костюме-тройке приподнял котелок то ли извиняясь, то ли насмешничая.

— Ну что ж ты так, панночка, — с укоризной покачала головой немолодая цветочница.

— Тут лихачи вечерами летают — не дай бог. Думай, какую дорогу выбираешь. Вот, держи, — она вдруг протянула Ирине букетик ландышей. За день цветы успели подвднуть, крохотные белоснежные наперстки обмякли и бессильно повисли.

— Спасибо, мне не нужно, — решительно отказалась от сомнительного приобретения Ирена.

— Так я же не продаю, — широко улыбнулась торговка. — Я дарю. Все равно уже не продам. А чем выбрасывать, лучше уж человека порадовать. Бери, не бойся. Сейчас-то цветок неказистый, жухлый — а как в воду поставишь, он враз оживет. Совсем уж красивым не станет, врать не буду, зато аромата тебе на неделю хватит. Ну же! Бери!

Она снова ткнула Ирине букет, и та осторожно сжала пальцы на влажных хрупких стеблях.

Когда Богусь в последний раз дарил ей цветы? Нет, не на свадьбе, конечно. После нее был упоительно счастливый месяц, когда самый любимый, самый чудесный муж осыпал Ирену подарками. Да и после него... Богусь, даже потеряв к жене интерес, старался соблюдать приличия — и посылал ей из клубов и ресторанов корзины роз. Но потом деньги кончились.

А любовь кончилась намного раньше.

Ну и к дьяволу Богуся. К дьяволу. Ирена глубоко вдохнула льдистый, переливающийся аромат.

— Спасибо, — благодарно кивнула она торговке. — Как вы сказали? Следует думать, какую дорогу выбрать? Совершенно верно. Так я поступлю.

Первый шаг по этой новой дороге был совершенно очевидным.

*Бязь — дешевая и относительно плотная хлопчатобумажная ткань. В отличие от тонкого и гладкого муслина.

**Жиго — рукава, за форму прозванные «бараний окорок». Очень объемный буфф к локтю резко сужался. От локтя до запястья рукав плотно охватывал руку. При этом в буфф, чтобы не сминался, добавляли и конский волос, и проволоку, и китовый ус. С такими рукавами не то что в теннис играть, с ними есть неудобно.

Глава 5

Знакомую крышу Ирена увидела, как только повернула за угол. Высокий конек, острые углы чердачных окон, флюгер-петушок, гордо выпятивший золоченую грудь. Увитая плющом кирпичная кладка, белые ставни, сирень у крыльца... Ирена застыла, прижимая руку к груди — там что-то вдруг заболело, укололо, словно наточенной спицей. Нужно было идти дальше, тут и оставалось-то всего ничего, три дома и узкий проулочек, ведущий на луг, за которым текла речка, а за речкой начинался лес... Но ноги не шли. Ирена медленно, словно во сне, смахнула со щеки слезу.

Красная высокая крыша. Флюгер-петушок. Белые ставни.

Когда-то давно, много лет назад, она распахивала эти ставни, тянулась вниз из окна, в ледяную утреннюю росу, и рвала тяжелые кисти сирени. Нежно пахли цветы, холодно и остро — сломанные зеленые ветки.

— Паненка, вам плохо? — смуглый мальчишка в латаном, не по размеру картузе остановился, поглядел на Ирену с любопытством и настороженностью.

— Нет. Мне хорошо. Мне очень хорошо, — вымученно улыбнувшись, Ирена кивнула мальчику и заставила себя сделать шаг. Потом еще один. И еще. Прошла дом пана Ленара, прошла дом Кордушевича. Во дворе у Макарских хозяйка развешивала белье. Она склонялась к корзине, доставала одну за другой сорочки, громко, с хлопком встряхивала их и растягивала на веревке, старательно прижимая белую ткань прищепками.

Ванда Макарская умерла семь лет назад.

— Добрый день, пани Ванда! — крикнула Ирена. Ладонь сама собой взлетела в давно забытом приветствии, и Макарская, швырнув в корзину мокрые панталоны, тоже радостно замахала рукой.

— Ируня, девочка! Здравствуй-здравствуй! А я вчера видела твою маму, у булочника встретились... Она не говорила, что ты приедешь!

— Так она и не знала, — с деланой небрежностью пожала плечами Ирена. — В институте сейчас пустые дни, вот я и решила заскочить на денек.

— Соскучилась? Вот и хорошо, вот и правильно, — пани Макарская, тяжело переваливаясь с ноги на ногу, приблизилась к штакетнику, навалившись на него могучей грудью. — Выспишься хорошенько, покушаешь, отдохнешь... Мыслимое ли дело — в таком возрасте над книжками каждый день корпеть? Исхудала вся, побледнела... Все-таки не женское это дело — учеба. Говорила я твоему отцу: зря он это затеял. Девочка должна в доме жить, при матери. По хозяйству помогать, приданое шить. Так вот сама, постепенно, ума-разума и наберется. Но нет же. Уперся. В современном мире, говорит, без учения никуда. И ведь прав оказался, старый пень! — всплеснула пухлыми руками пани Макарская. — Ты, говорят, такого жениха отхватила! Шляхтич, да еще и с деньгами. У нас такого днем с огнем не найдешь. Вот за это хвалю! Молодец, Ируня, не зря съездила! Книжную науку сегодня помнишь, завтра забыла — а муж, он всегда под рукой.

— Это вы совершенно верно заметили, — растянула губы в фальшивой улыбке Ирена. — Иного мужа и дустом не выведешь. Вы меня простите, пани Макарская...

— Да-да, конечно. Ступай. Устала с дороги, проголодалась. Ступай, Ируня.

Соседка, переваливаясь, как утка, направилась к своей корзине. А Ирена двинулась вперед. Мимо зарослей сныти, кудрявым облаком окутавшей штакетник. Мимо проулка, из которого тянуло прохладой и сладким ароматом цветущих трав.

Мимо елки, которую отец перед Рождеством увешивал гирляндами изюма и орешками — для той детворы, у которой своих орешков на праздничном столе не бывало.

Клумба.

Дорожка из рыжего песчаника.

Глиняные кадки с настурциями.

Ступени.

Ирена застыла, судорожно сжимая в руках сумочку.

Ступени.

За которыми...

Медленно, на деревянных негнущихся ногах она поднялась на крыльцо. И толкнула дверь.

Прошлое обрушилось на Ирену светом и звуком, цветом и запахом. Словно во сне, она шагнула в узкий полутемный коридор. Вдохнула сладковатый аромат воска — это мамины туфли, она всегда натирала туфли воском — погладила пальцами полосатые обои. Вот тут не хватает кусочка — это отец с дядькой тащили новый шкаф, не рассчитали и зацепили стену. Как же тогда кричала мама!

В кухне звенела посуда, тянуло густым ароматом жаркого, тушеной капустой. И звенел, звенел мамин голос, в который время от времени вплеталось басовитое ворчание отца.

Они живы. Господь бог и все пресвятое воинство. Они еще живы!

Сбросив туфли, Ирена ступила на самодельный половичок, качнулась на пятках туда-сюда, прислушиваясь к ощущению под ногами. Грубые толстые нити, узелки плетения, жесткая бахрома — она столько раз пробегала по этому половику, что запомнила его навечно.

Бесшумно ступая, Ирена двинулась вглубь дома. Миновала отцовский кабинет, мамину рукодельную комнату, столовую и гостиную. Повернула направо. И вошла в кухню.

— Ируня! Ты приехала! — мама, что-то помешивающая в большой кастрюле, положила ложку. — А мы не ждали тебя раньше Вознесения...

— Мама! Мама... — уже не в силах сдерживаться, всхлипнула Ирена и бросилась ей на грудь. — Мамочка!

— Ну что ты! Что ты, что ты, чего ты? Что случилось, деточка? Ты заболела? Из института отчислили? С Богусем поругалась? Ируня, не молчи, расскажи, — обняв мягкими теплыми руками, мама гладила ее по голове, по спине. Сидящий в любимом кресле отец поначалу притих, испуганный вспышкой эмоций, а потом осторожно подкрался сбоку. Скупой на ласку, он не решался дотронуться до Ирены, только сопел сверху, неопределенно мычал и хмыкал.

— Ируня, девочка? Не пугай меня. Что случилось? — в голосе мамы звенела накаты- вающая паника. Нужно было открыть рот и что-то сказать, придумать разумное объяснение — она ведь, дура, заранее ничего не придумала. Решила, что просто зайдет в дом — так же, как заходила всегда. Это ведь ничего особенного. Это ведь просто дом! Но теперь рядом была мама, от нее пахло фиалкой и гелиотропом, а еще немножечко — сердечными каплями, она же умрет потом от сердечного приступа, не сейчас, через девять лет, но умрет, будет лежать в кровати, хрупкая и маленькая, словно забытая кукла, и пахнуть от нее будет так же — сердечными каплями и гелиотропом. Ирена захлебнулась слезами, обняла маму за талию, вжалась лицом в плечо.

Нужно что-то придумать. Сейчас же! Немедленно! Нужно что-то...

— Дочка, ну что? — не выдержал уже и отец. Большая рука неуверенно легла ей на затылок. — С дипломом что-то? Ну и бог с ним, с дипломом. Красивой девке диплом ни к чему. Без него проживешь...

— Какой диплом! — яростно зашипела мама, покачивая, убаюкивая Ирену как маленькую. — При чем диплом? Совсем спятил, пень старый? Кто из-за диплома так убивается?

Отец шумно вздохнул, его пропахшее табаком дыхание коснулось щеки, шеи.

— И то верно... Не диплом... Значит, Фабиан! Он тебя обидел, дочка? Что этот хлюст учинил? Скажи, и я паршивцу ноги повыдергаю!

«И ведь повыдергает,» — вдруг поняла Ирена. Купит билет на дизель, явится в столицу и отходит Богуся тростью по спине так, что пыль лететь будет.

Отец всегда ее защищал. Оберегал. Лелеял.

Пока был жив.

— Нет. Ничего. Не нужно, — выдохнула сквозь всхлипывания Ирена. Не хватало еще, чтобы отец ввязался в драку с Богусем. — Это не...

Она запнулась, осененная идеей.

Вот же она, причина слез! Удобная, безопасная и совершенно логичная. Вот она!

— Это не то, что ты подумал, — в последний момент заложила вираж Ирена. — Богусь ничем меня не обидел. Просто мы... расстались.

— Как расстались? — охнула мама. Лицо у нее побледнело, на лбу и висках выступил мелкий пот. Ирена в ужасе отшатнулась, и отец тут же подхватил маму под руки. Подцепив ногой стул, он дернул его вперед и бережно усадил жену.

— Чего стоишь? Неси капли! Ну же!

Крутнувшись на пятках, Ирена рванула по коридору. Спальня родителей была за следующей дверью — просторная, вечно тонущая в полумраке комната. Из-за тяжелых вельветовых штор пробивались узкие солнечные лучи, растекаясь по стенам неровными пятнами. Обогнув широкую кровать, Ирена подошла к туалетному столику. Склонившись, она окинула быстрым взглядом строгую шеренгу баночек, скляночек и флакончиков. Ну, это вот, нежно-лиловое с золотым бантом — духи, их Ирена узнала бы даже ночью, на ощупь. Крем для лица, розовая вода, лавандовое масло, крем для рук... В нос пахнуло резким валерьяновым запахом, и Ирена радостно вскрикнула. Вот оно! Схватив пузырек из темного аптечного стекла, она устремилась обратно. Отец, не переставая обмахивать мать газетой, подпихнул на середину стола сахарницу.

— Шесть капель! Не меньше! — скомандовал он. Ирена, выхватив кусок рафинада, наклонила склянку.

— Раз... Два... Три... — Она скосила глаза на мать. Та без сил обвисла на стуле, беззвучно хватая воздух ртом. — Четыре... Пять... Шесть!

Ирена протянула сахар, по которому расплывалось остро пахнущее бурое пятно. Мать, слабо шевельнув рукой, взяла его, забросила в посиневший рот.

В кухне установилась тишина. Отец продолжал размахивать газетой, без особой пользы гоняя по комнате жаркий воздух. Мать старательно рассасывала рафинад.

— Рагу... Сдвинь кастрюлю... С огня... — прошептала она, и Ирена наконец отмерла. Схватив полотенце, она перетащила жаркое на край плиты, оставив его тихо доходить в тепле. Зачерпнула из ведра холодной воды, поставила стакан на стол так, чтобы не нужно было тянуться. Открыла окно, впустив в кухню свежий, пропахший цветущими садами воздух.

— Прищечка? Ну, как ты? Получшало? — огромный отец, присев на корточки, снизу вверх заглянул ей в лицо. — Может, еще сахарку?

— Нет. Не надо, — дрожащей рукой мать взяла стакан и отпила немного воды. Капля скатилась по подбородку, и отец тут же подтер ее широкой ладонью. — Все уже. Все прошло. Не волнуйся — Ярко-синие, в обрамлении густых длинных ресниц глаза обратились к Ирене. — Так что там с Богусем? Ты сказала...

— Мы расстались, — обреченно повторила Ирена. Эту новость в любом случае следовало сообщить — но поданная без истерических рыданий, она бы, наверное, не стала таким ударом. — Свадьба отменяется.

— Но почему? Ты ведь так любила его... — мама смотрела испуганно, но с затаенным ожиданием — видимо, надеялась, что это всего лишь недоразумение. Размолвка, которая угаснет так же легко, как вспыхнула.

— Любила. И Богусь меня любил. — Ирена не врал. Богуслав Фабиан действительно любил свою невесту, любил так сильно, что решился пойти против матери. Ввязался в затяжную, тяжелую схватку, выдержал ее с честью и одержал победу. — Просто... я поняла, что мы разные люди. Богусь, он... — Ирена помолчала, подбирая слова. — Он яркий. Веселый. Он любит общество, развлечения, танцы...

— Ты тоже любишь! Ты же прекрасно танцуешь, Ируня. Помнишь вечер у Мазуров? Все так восхищались, даже пан Даныш, а пан Даныш три года в Галлии прожил!

— Да, верно... — Ирена совершенно отвыкла от этой странной манеры вести беседу. Мать приводила в поддержку собственной позиции совершенно абсурдные, но при этом фактически неопровержимые аргументы. Чтобы оспорить их, приходилось углубляться в такие дебри, что сама суть спора в этих дебрях терялась. Когда-то Ирена научилась игнорировать эти внезапные выпады. И сейчас могла бы поклясться, что полностью утратила навык — а поди ж ты! — Я люблю танцевать. Проблема в том, что... Богусь вряд ли ограничится одной партнершей для танцев.

— Ну так пусть пляшет, с кем... Ох, — дошло наконец до мамы. — Он тебе изменил!

— Пока нет. Но я достаточно хорошо узнала Богуса и понимаю: это всего лишь вопрос времени. Как только страсть схлынет, он вернется к прежнему образу жизни. А в прежней жизни он менял актрисочек как перчатки.

— Ну и что же? — нахмурил тяжелые темные брови отец. — Богусь мужчина, а мужская природа именно такова. Главное, чтобы лишних денег на девок не тратил и домой к ужину приезжал.

— С этим, думаю, тоже возникнут проблемы, — грустно улыбнулась Ирена. — Богусь не имеет привычки ужинать дома. Вечера он проводит в клубе «Бродбенк». Обедает в ресторане...

— Но завтракает-то дома, — выразительно прищурилась мама. — Главное, чтобы муж ночевать домой приходил. А если он желает поужинать в клубе, так тебе же меньше хлопот. Благо у Фабианов денег и на кафе, и на рестораны хватает. От парочки ужинов не обеднеешь.

Ирена подавила тоскливый вздох. Она понимала, что разговор будет трудным — но не представляла, насколько. Слишком уж сроднилась мама с мыслью, что ее дочь станет шляхетной пани. И отказываться от нее никак не хотела.

Ну что ж. Этого следовало ожидать. По семейной легенде, прапрабабка Присциллы Забельской, урожденной Лабез, принадлежала к шляхетскому роду. Богатому, естественно — ну кто рассказывает легенды о голозадой шляхте? Красавица росла в роскоши и холе, ела с золота, шелком утиралась. Но повстречала лихого парня без гроша в кармане, влюбилась да и сбежала с ним. А разгневанный отец повелел вычеркнуть непокорную дочь из родового древа навеки. Наивная романтическая чушь... Но мать в нее свято верила. Искала в себе признаки шляхетской крови, принимая за нее и болезненную бледность, и нездоровую худобу. Зубрила по самоучителю галльский, который никак ей не давался, и кроме злосчастного *Bonjour, je suis ravie de vous voir** ничего выговорить не могла. Да и это короткое приветствие Прищечка Забельская произносила с чудовищным акцентом.

Петр Забельский свою крохотную жену любил — и баловал. Давал деньги на бесконечные ремонты, в ходе которых просторный дом утрачивал мещанскую основательность, приобретая некоторый светский лоск. Оплатил доставку пианино и пригласил учителя, тощего студентика в брюках дудочками, чтобы тот учил Прищечку музицировать. Стопками закупал дамские романы в нежно-розовых с золотом обложках, а потом, когда романов накопилось достаточное количество — и шкафы к ним.

Но настоящий шанс прикоснуться к чарующему миру аристократии появился перед Присциллой Забельской только сейчас. Ее дочь, умница и красавица, повстречала самого настоящего шляхтича. Богатого, галантного, благородного — ну чистый принц крови! И этот

принц влюбился в Ируню по уши. Соседки зудели, что наиграется и бросит, Петр недовольно поджимал губы, а Присцилла летала на крыльях счастья. Ее дочь! Станет шляхтянкой! Самой настоящей, с гербом и девизом, с фамильной саблей над камином!

Мечта, невероятная, недостижимая мечта свершилась.

А теперь эту мечту злая судьба вырывала из рук, презрительно хихикая. Нет, не будет Ируня шляхтянкой. Рылом не вышла с фамильной сабли чарку принимать.

Как будут злорадствовать за спиной соседки! Как будут при встрече сочувственно вздыхать, охать и качать головой.

Прищечка Забельская была в отчаянии. И цеплялась за вымечтанное, выстраданное счастье изо всех сил.

— Ируня, девочка, я все понимаю, — нежно погладила ее по руке мама. — Ты волнуешься, ты сомневаешься. Каждая девушка перед свадьбой проходит через это. Я в твои годы тоже боялась... Но вы обвенчаетесь, станете мужем и женой. Когда ты войдешь хозяйкой в собственный дом, когда обнимешь любимого мужа, то и думать забудешь о своих страхах!

— Это вряд ли, — подавила глубокий вздох Ирена. И попробовала с другой стороны. — Мы много разговаривали с Богусем. Не только о любви, о делах тоже. О фабрике, которая принадлежит Фабианам, о ценных бумагах, о вкладах, оставшихся от отца. И у меня сложилось впечатление, что... Богусь не слишком-то в этом разбирается.

— Какие его годы, — взмахнула тонкой рукой мама. — Еще научится!

— Нет, Прищечка, погоди, — остановил ее отец. И серьезно посмотрел на Ирену. — Это важно. Рассказывай.

— Богусь уже три года занимает пост директора. При этом он понятия не имеет, как работает его фабрика. Всем управляет... Лутковский, — имя далось с трудом, но лицо Ирена все-таки удержала. — Он ведет все дела, а Богусь только подписывает документы.

— Нехорошо... — отец склонил голову набок, как делал всегда, когда что-то вызвало его пристальный интерес. — И что же еще?

— Доходов фабрика приносит мало. Что очень странно, ведь цеха не простаивают, продукция производится и успешно распродается. Я посоветовала Богусю проверить отчетность. Пусть даже не самому, нанять аудитора, пусть тот подготовит отчет. Но Богусь отказался.

— И правильно! Не шляхетское это дело — в бухгалтерских книгах рыться, — фыркнула мама, и папа поморщился.

— Зато отцовские деньги спустить и по миру пойти — очень даже шляхетское, — парировал он.

— Вот. Об этом тоже я хотела поговорить. Уже сейчас Богусь берет деньги со сберегательного счета, который получил в наследство. Пока немного, но суммы все увеличиваются.

— А ты откуда об этом знаешь? — насторожилась мама. — Ты что, просматриваешь тайком его бумаги?!

— А хоть бы и так, — двинул могучими плечами отец. — Да-да, я помню, шляхетская честь превыше всего. Но голова на плечах людям не просто так дадена.

— Нет. Я не обыскивала его рабочий стол, — покривила душой Ирена, потому что стол она все же обыскивала, и неоднократно. — Богусь сам об этом говорил. Мы несколько раз подъезжали к банку, он объяснял, что собирается делать.

Ложь получилась не слишком изящная, но родители были не в том состоянии, чтобы это заметить.

— Значит, деньги у Фабианов уже кончаются, — недовольно пожевал губами отец. — И мальчишка полез в карман к умершему отцу. Очень хорошо...

— Есть еще кое-что. Я раньше не обращала внимания, но чем ближе к свадьбе, тем больше я беспокоюсь, — Ирена, покосившись на хмурого отца, глубоко вдохнула. Пришло время вложить главный козырь. — Богусь азартный игрок.

— Ну что ты! Все мужчины играют! — начала было мать, но под тяжелым взглядом мужа осеклась.

— Значит, игрок... — медленно, словно пробуя слово на вкус, протянул отец. — Лентяй, неумеха, бабник, мот, еще и игрок. М-да...

— Но Богусь шляхтич! В высших кругах так принято! — снова попыталась мама — и снова умолкла.

— А у нас как раз дела в гору пошли. Прибыль расти начала, я второй магазин думаю открывать, — глаза у отца потемнели, рот зло искривился. — Это что же получается? Лет эдак через пять я должен буду не только свою семью, а еще и всю шляхетскую шайку кормить?

— Петрусь, ну что ты такое говоришь! — ужаснулась мама, но Петрусь только головой тряхнул, словно бык, угодивший рогом в плетень.

— То и говорю. Ишь, умный какой! Выбрал себе невесту — и с деньгами, и сословия низкого. Чтобы, значит, от радости одурела и сама голову в петлю сунула. Свой-то, небось, шляхтяночки, от такого жениха, как мыши от пожара бегут. Потому до сих пор и не женат. А заливал, заливал-то как! Я, говорит, до сих пор не знал любви! Только сейчас мое сердце проснулось. Сердце, мать твою, проснулось! Ну, немочь шляхетская! — погрозил в пространство кулаком отец. — Все правильно, Ируня. Гони его в шею. Мы тебе нормального парня найдем. Башковитого, с руками. Чтобы тебя любил, а не по актрискам шляется, чтобы все для семьи! Ишь! В клубе он ужинает. Дома, значит, не жрется. Вот пусть и сидит в этом клубе. Черт с ним. Мы и без шляхтичей проживем.

Отец, шагнув вперед, неожиданно обнял Ирину, прижал к широкой, словно пивной бочонок, груди. Закрыв глаза, она ощутила знакомый запах — пот, дешевое мыло и пена для бритья «Элеганс». Пуговица от жилета колола щеку, а где-то глубоко, под жилетом, под ребрами, мерно и ровно билось сердце. Ирена шмыгнула носом, мазнула лицом по мягкому твиду.

— Вот и я так думаю, папа. Мы замечательно проживем без Богуся.

* *Bonjour, je suis ravie de vous voir* — Здравствуйте, я рада вас видеть.

Глава 6

В комнате густо, одуряюще-сладко пахло яблоневым цветом. Ирена вытянулась на прохладной простыне, завела руки за голову. Через тонкую ткань пододеяльника она ощущала, как покалывает ворс шерстяного одеяла. В детстве она его терпеть не могла, а сейчас теплая, надежная тяжесть ощущалась привычно-уютной. Ирена пошевелила ногой, и белая гладь одеяла смялась, пошла волнами.

Спать не хотелось.

Где-то далеко залаяла собака, ей ответила другая, потом к беседе присоединилась третья. Некоторое время они перекликались, но разговор становился все медленнее, все ленивее. Вскоре замолчали и собаки. Бледный, как лицо мертвеца, диск луны равнодушно тараторил в комнату, заливая кровать и пол призрачным светом. Когда-то давно, в детстве, этот свет очень пугал Ирену. Больше, чем темнота. Потому что темнота была обыденной, она мило-сердно скрывала страхи, а свет... свет их выманивал. До последней трещинки знакомая комната в лунные ночи менялась, наполнялась странными, бесформенными тенями. Они выползали из-под кровати, из-под шкафа, гроздьями свисали со стула, оплетали потолок и стены. Ирена лежала, боясь пошевелиться, и пристально следила. Вон та шевельнулась, или ей показалось? А эта, длинная? Она ведь только что была короче... Или нет?

Только когда луна уходила на другую сторону неба, Ирена засыпала. И видела во сне странных, бесформенных созданий, медленно сползающих к ее кровати, тянущихся к одеялу склизкими щупальцами.

Эх. Вот так проживешь десяток-другой лет и понимаешь: лучше уж склизкие щупальца, чем муж-скотина.

Не ценила Ирена своего счастья. Ой, не ценила.

Ветка яблони шевельнулась за окном. Тени на стене колыхнулись, задрожали, затрепетали тонкими вибрисами. Ирена улыбнулась им, как старым знакомым.

Ужин прошел мирно, в уютных разговорах ни о чем. Родители опасались касаться болезненной темы, поэтому расспрашивали об экзаменах, о дипломе, хвалили за высокие отметки и поздравляли с окончанием института. Мама интересовалась, что сейчас ставят в театрах и правда ли новые фильмы так хороши, как о них рассказывают. Отец, напротив, расспрашивал о вещах сугубо практических: какие ткани этой весной вышли из моды, какие, наоборот, пользуются популярностью у столичных красоток. Ирена охотно пересказала ему разговор с паном Цысек — о том, что на смену нихонскому шелку идет галльский. Конечно, это были только прогнозы, но во всех вопросах, касающихся мануфактуры, пан Цысек обладал удивительным чутьем. Отец имел возможность в этом убедиться, а потому слушал с большим вниманием.

— Значит, вот как... Галльский шелк пастельных тонов... — задумчиво пробормотал он, подкручивая жесткий густой ус. — Любопытно... Ну, галльский шелк у нас вряд ли купят, а вот батист нежненький заказать, пожалуй, стоит.

Мама, услышав про батист, тут же заинтересовалась, попросила в точности описать те ткани, которые заказал пан Цысек: плотность, оттенок, узор. И начала прикидывать, что из такого благородного материала лучше пошить. Не костюм, нет, для костюма нужно что-то более плотное. Лучше платье... без лишних оборок, но не строгое, летящего, свободного покроя. И чтобы шляпка к нему с цветами, с перьями цапли, но ни в коем случае не с фруктами и не с бантами. Ирена слушала ее болтовню вполуха, глубокомысленно кивала в паузы и один за другим подхватывала с тарелки крохотные кусочки мяса, протушенные в винном соусе.

Словом, разговор складывался на диво приятный и безопасный. Пока отец, подняв глаза от тарелки, не задал простой вопрос:

— Ты когда возвращаешься?

— Я? — растерялась Ирена. — Куда?

— Что значит — куда? — растерялся уже отец. — Домой, конечно. Ты ведь передумала выходить замуж.

— Я? А. Да. Ну да, — Ирена воткнула вилку в шляпку гриба, повертела ее на тарелке. — Я... пока не знаю.

— То есть как — не знаешь? — отец еще не хмурился, но уже глядел настороженно. — Вам ведь объявили, когда будут выдавать дипломы.

— Да, объявили. Но я... Я не уверена, что вернусь домой. У меня... есть кое-какие планы.

— Какие-такие планы? — опустила вилку с ножом мама. — Не говори ерунды. Одиной девушке нечего делать в столице.

— Вот именно, — согласно кивнул отец. — Нечего тебе там делать. Забирай диплом и возвращайся. Будешь мне в лавке помогать. Там на троих работы хватит.

Ирена неловко отовралась, быстро доела рагу и выскользнула из-за стола, не сказав ни «да», ни «нет». А теперь лежала и размышляла: чем же она, черт побери, собирается заниматься?

Разумных решений много. Разумных, безопасных, выгодных... Но все это уже было. Ирена уже прожила жизнь, в которой принимала разумные решения.

Нет. Хватит. К дьяволу. Каким-то чудом Ирена заполучила новую жизнь. И эту жизнь она проживет так, как сама хочет.

Осталось только разобраться, чего именно она хочет. Стать примерной женой и хозяйкой? Точно нет. Торговать тканями — у отца или у пана Цысека? ...Возможно. Если ничего более интересного не подвернется. А более интересное — это...

Ирена, ударом кулака подбив подушку, перевернулась набок.

Более интересное — это...

Она окончила институт по специальности «Бытовая магия». Не целительство, не алхимия, не изготовление артефактов. Куда вообще берут бытовых магов? Кроме как замуж?

В гостиницы, в рестораны, в доходные дома. Надежно, понятно. Но совершенно не интересно.

Экономками в состоятельные шляхетские семьи. Ох, нет-нет-нет. Хватит с нее состоятельной шляхты. Накушалась по самое горлышко.

Хозяйственниками в больницы, в госпитали. Уже получше. Своими руками жизни спасать Ирена не будет, но хоть поучаствует в спасении.

Хозяйственниками, но не в больницы, а на железную дорогу. В поезда дальнего следования. Или на корабли, которые уплывают в тропические страны. На дирижабли... Ирена даже зажмурилась, воображая себе эту картину. Вот она, Ируня Забельская, в сине-золотой форме воздушного флота, стоит у иллюминатора. Далеко внизу проплывает земля: поля, города, леса и реки... Конечно, она все это видела много раз — Богусь предпочитал дирижабли всем прочим видам транспорта. Но тогда-то она была пассажиром! А теперь — наоборот!

Ирена снова перевернулась на спину, пинком отбросила ставшее вдруг слишком жарким одеяло.

А почему, собственно, она должна быть наемным работником? Пятисот злотых от пани Фабиановой, да собственные накопления, да отец что-то подкинет перед отъездом. С такой суммой можно и собственное дело открыть! Поначалу скромное — но что же поделывать. Не всем фабрики в наследство оставляют. И ничего. Живут люди без фабрик. Справляются.

Но если собственное дело, то какое? Ателье по ремонту одежды? Нет, скучно. Компанию по уборке домов? Еще скучнее.

Ворочаясь с бока на бок, Ирена последовательно отвергла карьеру владелицы бани, отеля и ресторана.

Все это было неинтересно. Не вдохновляюще. Не перспективно. Ни один из этих вариантов не стоил того, чтобы потратить на него вторую, дареную жизнь.

Так чем же заняться?

Когда-то давно, совсем сопливой девчонкой, Ирена мечтала стать полицейским. Воображала, как будет раскрывать преступления, как будет спасать невинных — и сурово карать злодеев. Тогда она еще не знала, что в полицию девочек не берут.

Первая женщина-следователь появится только в 1920-м. За год до того, как Ирена выберет вместо извозчика такси...

Но какого дьявола?! Ирена села в кровати, изумленно распахнув рот.

Кто сказал, что ей обязательно нужно служить в полиции? Существуют ведь частные детективы! Да, они мужчины, всегда мужчины — ну так что же? Кто-то должен быть первым! Почему не она, Ирена? Почему какая-то неизвестная девица девятнадцать лет спустя?

Нет уж. Она не упустит свой шанс. А если не получится... Ну, что поделать. Всегда можно вернуться к пану Цысеку.

И черт с ними, с деньгами. Как пришли, так и уйдут. Зато Ирена будет знать, что попыталась. А не мучиться сожалениями, что могла бы, но струсила.

Глубоко, всей грудью вздохнув, она рухнула на подушку.

И тут же уснула.

Глава 7

Хотелось расследовать преступления. Решать хитроумные загадки, исследовать улики, обличать злодеев. Хотелось сиять и побеждать. Вместо этого Ирена сидела на кровати, поджав под себя босые ноги, и читала уже третью газету с объявлениями.

Потому что любое сияние требует некоторого пространства. Желательно с крышей, чтобы дождем не залило, и с полом, чтобы в грязи не изгваздаться.

За помещение в центре города площадью всего шестьдесят квадратных аршин* владелец желал сто злотых в месяц. Большое окно-витрина, ремонт, отдельная вместительная комната, которую можно использовать под склад.

Откуда на шестидесяти квадратных аршинах возьмется отдельная вместительная комната, Ирена представить не могла. Подвал, что ли?

Зато площадь Матеуша II буквально за поворотом. Народ там каждый день толпами снует.

И что? Детективное агентство — это ж не магазин. И не гостиница. Вряд ли случайный прохожий, заметив вывеску, решит заглянуть. «Знаете, я тут прогуляться вышел, на город полюбоваться — как кстати, что я вас заметил! У меня как раз бриллианты сперли».

Ирена почесала в голове карандашом.

Нет. Центр — это плохая идея. Все равно люди по объявлениям будут приходить. Или по отзывам. Значит, можно взять помещение где-то в сторонке. Не на окраине, окраина — это совсем уж несолидно. Где-нибудь, скажем, на Хлебном ряду. Или в Заречье. Мещанка тоже пойдет — и добираться удобно, и район спокойный, живописный.

Помещение должно быть достаточно просторным, но не предназначенным для торговли. Большой зал Ирене ни к чему, вместительные кладовые тоже. Для приема достаточно одной комнаты — хорошо бы с мебелью, но тут уж как повезет. За ней должны быть жилые покои, хотя бы самые скромные, но с туалетом и ванной комнатой.

Отметив галочками все подходящие варианты, Ирена надела строгое платье, вышла на улицу и махнула рукой извозчику.

— В Свято място. Улица Котельная, тридцать два.

После Котельной была Кожемякинская, потом Горухова, затем Нижняя Глинка. С каждым новым адресом настроение у Ирены портилось, а у извозчика, наоборот, улучшалось.

— Да вы не расстраивайтесь, паненка, — плохо скрывая радость, успокаивал он Ирену. — Времена такие, что ж поделать. Домовладельцы совсем озверели. За вшивую конуру цену ломают, как за королевские палаты. Ну ничего, ничего. Покатайтесь, воздухом подышите. Рано или поздно чего-нибудь да найдете.

Ирена, мрачно вздохнув, вычеркнула в газете очередной адрес. То, что в объявлении именовалось «совершенно новым кабинетом с ремонтом» оказалось крохотной клетушкой, провонявшей карболкой до рези в глазах. Темное пятно на полу, до странности напоминавшее контуры человеческого тела, довершало картину.

После карболового оазиса был темный сырой полуподвал с окнами на ночлежку. Хозяин клялся отцом, матерью и Иисусом пречистым, что бродяги совершенно безопасны, а иногда даже полезны. Если, скажем, золотые часы добыть надо задешево — стоит только свистнуть. На следующий день принесут за полцены!

Отличное помещение, которое ранее арендовал нотариус, владелец готов был сдать хоть сейчас — но за двести злотых в месяц. Задаток, пожалуйста, вперед.

Милые комнаты за клубом «Шевалье» — с водопроводом, с туалетом, с вместительной ванной — Ирена чуть было не сняла. Но из соседней квартиры высунулась старушка в гризетовом капоре, смерила Ирену презрительным взглядом и громогласно объявила:

— Ты погляди. Только одна курва съехала — тут же другая объявилась. Ты мне смотри, — старушка ткнула в Ирену желтым узловатым пальцем. — Будешь мужиков водить — дверью не грюкай, позорница! Бах-бах, бах-бах, бах-бах. Спать невозможно, — старуха зевнула, перекрестила дряблый беззубый рот и отступила в темноту коридора. — Совершенно спать невозможно. Бах-бах, бах-бах, бах-бах...

К предпоследнему объявлению в своем невеликом списке Ирена приехала уже на закате. Здание ей понравилось сразу — солидный двухэтажный дом с эркерами и чугунными решетками на балкончиках, с ажурной лепниной вдоль карниза. Домовладелец, пан Клатка, толкнув массивную дубовую дверь, любезно пропустил Ирену вперед.

— Вот, пожалуйста. Не стесняйтесь, осматривайтесь. Задавайте любые вопросы, я постараюсь ответить.

Ирена, не сходя с места, медленно обернулась. Помещение было просторным, с большими, в рост человека окнами. Вдоль стен тянулись какие-то полки, а темный прямоугольник на светлых обоях намекал, что когда-то здесь стоял шкаф.

— Кто раньше арендовал комнату? — наученная горьким опытом, поинтересовалась она.

— Врач-стоматолог, пан Йонжик. Он переехал ближе к центру, на угол Резницкой и Леймана. Снимал около пяти лет, был совершенно доволен. Если хотите, я поищу точный адрес. Можете завтра съездить, побеседовать с паном Йонжиком лично.

— Возможно, позже, — вежливо отклонила предложение Ирена. — Давайте сначала все осмотрим.

Она прошла по комнате, ощупала все рамы, потопала каблуками в пол, прислушиваясь, не гуляют ли доски. Оглянулась, прикидывая, куда можно поставить стол, куда — кресла для посетителей, а куда — книжную горку.

Потому что на клиентов следует производить солидное впечатление. А что может быть солиднее, чем профессиональная литература?

— Пойдемте в жилые покои, — пан Клатка указал на узкую белую дверь. За ней тянулся узкий же коридор, упиравшийся в большое окно. С правой стороны от окна размещалась спальня — небольшая, но светлая, оклеенная новыми полосатыми обоями. С левой стороны, прямо напротив спальни, обнаружилась ванная комната — с умывальником, чугунной ванной и унитазом.

— А здесь можно разместить кухню, — распахнул следующую дверь пан Клатка. — Раньше тут была ординаторская... Правильно же? Так называют подсобное помещение врачи?

— Кажется, да, — неуверенно кивнула Ирена.

— Умывальник, как видите, имеется. Сюда можно поставить стол, туда — другой, вот здесь и для холодильного шкафа место найдется. Плиты, правда, нет — но зачем вам плита, если в подвале котельная? Примуса, думаю, будет достаточно. Пан Йонжек вообще не готовил, больше по столовым да по кухмистерским ходил. Но ваш муж вряд ли на такое согласится, правда?

— Какой муж? — вежливо удивилась Ирена.

— Эм-м-м... Простите, не понял, — не менее вежливо удивился пан Клатка. — Вы ведь для мужа помещение подыскиваете?

— Я? Нет. Я планирую открыть собственное дело.

Какое именно дело она планирует открыть, Ирена благоразумно предупредить не стала. Очень уж характерно изменилось у пана Клатки лицо.

— Собственное? Вы? Но вы же... — домовладелец пожевал губами, подыскивая самую любезную формулировку. — Вы ведь... женщина.

— Я в курсе, — терпеливо кивнула Ирена. — И что?

— Я не могу сдавать помещение женщине. К тому же незамужней, — пан Клатка покоился на указательный палец Ирены — возмутительно лишенный кольца.

— Почему? Я совершеннолетняя, дееспособная, подписывать документы имею право. Денег достаточно, порядок гарантирую.

Ирена уже понимала, что дальше переговоры не пойдут. Но квартира была просто идеальная! В хорошем месте, по разумной цене. Было до чертиков обидно упускать такой вариант только потому, что у домовладельца вместо головы жопа.

— Да-да, я все понимаю. Уверен, вы в состоянии оплатить аренду. Но... я заключаю сделки только с мужчинами. Извините, что отнял у вас время, — пан Клатка с достоинством выпрямился, оправил пиджак на несуществующей талии. — Если бы вы сразу сказали, что подыскиваете помещение для себя, я отказал бы вам сразу. Еще раз прошу прощения, — согнулся он в любезном поклоне. — Не беспокойтесь, я оплачу эту поездку и сопровожу вас до дома. Раз уж недоразумение произошло по моей вине...

Сам он никакой вины за собой не видел, это было понятно по раздраженно поджатым узким губам. Но вежливость не позволяла просто хлопнуть дверью и уйти, оставив даму одну на темной улице.

Мысль в голове вспыхнула с яркостью маяка.

Ирена примирительно улыбнулась, шагнула вперед и мягко коснулась руки пана Клатки.

— Нет-нет, ну что вы. Вина только моя. Я действительно неправильно изложила условия аренды. Помещение я снимаю для себя. Но у меня есть деловой партнер. Мужчина. Если хотите, договор подпишет он — на тех же, разумеется, условиях.

— Партнер? Мужчина? Ой, что же вы сразу не сказали, — расплылся в улыбке пан Клатка. — В этом случае никаких проблем! Конечно, мы можем подписать договор. Прошу прощения за недоверие. В моем положении это, поверьте, естественно, — он посторонился, выпуская Ирену из комнаты, и двинулся следом, тяжело сопя за спиной. — Был у меня случай... крайне, крайне неприятный. Случай, повлекший за собой значительные расходы и большой ущерб репутации. С тех пор я работаю только с мужчинами. Вы ведь не обиделись?

— Ну что вы. Нисколько, — лучезарно улыбнулась Ирена. — Пожалуйста, придержите для нас это помещение. Я завтра обговорю с партнером все детали и назначу вам время встречи. Скажем, телеграммой — по тому же адресу, где мы встретились.

— Конечно-конечно. Буду премного благодарен, — прижал котелок к груди домовладелец. — Еще раз приношу свои извинения. Жду вашу телеграмму!

* Приблизительно 30 м. кв.

Глава 8

Шалуны галлы все порывались *cherchez la femme*. В чем-то их можно понять. Нормального мужика найти намного сложнее. Ирена в который раз перечитала список знакомых мужчин. Мартин слишком осторожный, не захочет ввязываться в авантюру. Гжегож, наоборот, чересчур любопытный. Такого тронь, ссаной тряпкой потом не отмашешься. Рышард с гнильцой. Как бы не попытался свой кусок с бизнеса урвать — раз уж там его фамилия указана.

Северин пытается ухаживать, этот вариант еще хуже, чем Гжегож. Иржи сплетник. Беззлойный, просто выдумщик — но такого про детективное агентство нарасказывает, что клиентов потом днем с огнем не найдешь.

Можно жениха Алиции попросить... Но там уже все полыхает и валится. Как бы потом крайней не оказаться — когда помолвка все-таки расстроится.

Отец точно откажет. И не просто откажет — категорически запретит.

Пан Цысек? Может, и не откажет, но очень обидится. Он ведь Ирене предложил не просто какое-то место — а место, на котором видел свою дочь. Искренне, от всей души. А она, соплячка неблагодарная... Нет, к пану Цысеку с таким подходить нельзя.

Но к кому же тогда подходить?!

Ирена в отчаянии прикусила карандаш. Зубы вошли в мягкое дерево, рот наполнился горьковатым смолистым вкусом.

К кому подходить?

Нужен человек достаточно солидный, чтобы не вызывать подозрений. Какого-нибудь босняка на улице не наймешь. Порядочный. Не хватало потом от шантажиста отбиваться. Не слишком любопытный. Не охотник до женского пола. Не болтун.

Да это святой столпник какой-то, а не мужчина! Хоть статую Августина блаженного из костела тащи.

Вот дьявол! Швырнув искусанный карандаш на стол, Ирена запустила пальцы в волосы. Кого позвать? Ну кого?!

Задача, поначалу выглядевшая элементарной, вдруг оказалась нерешаемой.

Нет, можно, конечно, отложить затею на пару месяцев. И поискать другое помещение. Но это такое удачное! И цена отличная.

Да и в целом. Идея заполучить на вывеску еще и мужское имя нравилась Ирене все больше. К мужчине наверняка обращаться будут охотнее. А что принимает женщина — так всегда можно сказать, что пан Имярек сейчас в конторе отсутствует — но Ирена действует по его поручению и с полного его ведома. Это проще, чем каждый раз доказывать, что она, Ирена, соображает не хуже, чем гипотетический пан Имярек.

А она соображает! Сумела же доказать, что Лутковский не по счастливой случайности фабрику на себя переписал. Правда, пользы от этого не было никакой, восстановить право владения Богусь так и не смог... Но ведь сумела!

Значит, и сейчас справится. Главное не раскисать. Так. Еще раз. Отец и пан Цысек точно мимо, жених Алиции тоже, Северин нет, Гжегож нет... Может, к преподавателям подойти? Тем, что помоложе. Пан Бакман, скажем, производит приятное впечатление. Или пан Келчевский. Или к доктору Матлашевскому?

Ирена встала, потянулась, расправив затекшие плечи, медленно подошла к окну. Задница от долгого сидения, кажется, обрела форму стула, поясница ныла, на пальце отпечатавалась алая вмятина от карандаша. Ирена, опершись о подоконник, с наслаждением выгнулась, потрясла ногами, повертела окаменевшей шеей. И привалилась к стене, бездумно глядя вниз. По тротуару неспешно фланировали дамы, их обгоняли целеустремленные мужчины в твидовых пиджаках и шляпах, а тех, в свою очередь, мальчишки-посыльные. Звонко топоча дере-

вянными подошвами, они проносились по улице, стремительные и дерзкие, как молодые воробы. Проехала двуколка, запряженная парой гнедых. Пробежал пес, задрал около фонарного столба ногу, оросив чахлую траву желтой струей, и скрылся в подворотне. Прошел пан бухгалтер из пятого дома, сжимая под мышкой потертую кожаную папку. Проехал офицер на вороном жеребце. Здрав голову вверх, он улыбнулся Ирене, приложил два пальца к форменной фуражке и подкрутил ус.

Прошел пан бухгалтер... Нет! Стоп! Стоп-стоп-стоп! Прошел пан бухгалтер!

Торопливо сбросив домашнюю юбку, Ирена натянула пристойную — коричневую, с бежевой вышивкой по подолу. Не слишком свежую блузку она спрятала под бархатным жакетом, волосы пригладила, стянула в узел и водрузила сверху соломенную шляпку. Удовлетворенно оглядев себя в зеркало, пришла к выводу, что пан бухгалтер если и заорет от ужаса, то не сразу. Мазнув по шее пробкой от духов, Ирена подхватила с крючка ридикюль — просто так, для солидности — и решительно спустилась на улицу. Бухгалтер уже скрылся из виду, но не беда. Ирена прекрасно знала, где он живет. Немолодой, солидный, не болтун. К женскому обществу равнодушен, склонности к авантюрам не имеет. Чаруся, наемная горничная, два раза в неделю убиравшаяся в доме пани Какубы, как-то поведала Ирене трагическую историю своего крестового похода на пана бухгалтера. Здравомысленно рассудив, что серьезный непьющий мужчина в хозяйстве пригоден более, чем пьющий и несерьезный, она попыталась бухгалтера очаровать. Изучив его расписание, Чаруся устраивала засады и в бакалее, и в булочной, и в мясной лавке. Надевала самолучшие платья с декольте, стреляла глазками, зазывно улыбалась. Пару раз даже блузу с плечика приспустила, очаровательно смутившись и покраснев. Бухгалтер оставался непробиваем, как старый житный сухарь. А когда Чаруся все же решилась с ним заговорить, прямо обозначив свой интерес, покраснел и сбежал. А потом вовсе перестал заходить в лавки, закупая продукты где-то вдали от дома.

— Ну вы только подумайте! — полыхая черными очами, жарко шептала Чаруся. — Я уж и так, и эдак. И боком стану, чтобы все богатство видно было, — она провела рукой по пышной груди. — И улыбнусь, и вздохну. Ничего! Ни-че-го-шень-ки! Не мужик, а чурбан сосновый! И продукты берет, кстати, дешевенькие. Не белый хлеб, а серый, не вырезку, а лопатку. А чтобы шоколаду какую покупал или, скажем, конфекты — такого вообще ни разу не видела. Только печенье, но не масляное, а затяжное. Даже без изюма! Ну не бревно ли скаредное? Неудивительно, что от него жена сбежала. Любая сбежала бы! Повезло мне все-таки, паненка. Как есть повезло!

Тогда Ирена подумала, что мужик Чарусе глянулся неудачный. Но теперь, теперь!.. Теперь все недостатки бухгалтера внезапно превратились в достоинства. Сухарь? Замечательно. Осторожный? Чудесно! Красивых женщин избегает? Совсем хорошо!

Еще и с деньгами туго. Значит, Ирена сможет предложить небольшую плату — и за эту плату диктовать свои условия.

Взлетев по ступеням, Ирена покусала губы для яркости цвета, пощипала себя за щеки и решительно взялась за бронзовый молоточек. Внутри квартиры задребезжало.

Еще раз.

И еще.

Ирена ждала, скромно сцепив руки за спиной, как и пристало благовоспитанной девице. За дверью долго царил тишина, потом послышались приглушенные шаркающие шаги.

— Кто там? — осторожно спросил мужской голос. Довольно приятный, надо отметить, голос — низкий бархатный баритон. Словно за дверью стоял гусар, а не бухгалтер.

— Простите, что беспокою, — Ирена замялась, не зная, как продолжать разговор. До этого мужчины всегда представлялись ей первыми. — Меня зовут Ирена Забельская. Я...

Дверь распахнулась. За ней обнаружился блондин лет сорока, худой и длинный, как рельса.

— Прошу прощения, что заставил ждать. Ко мне редко заходят... — он сделал неопределенный извиняющийся жест. — Так что вы хотели, пани Забельская?

— Поговорить. Может, вы все-таки пригласите меня в дом? — очаровательно улыбнулась Ирена.

— Да. Конечно. Прошу прощения, — мужчина посторонился, пропуская ее в полутемный коридор. Ирена оглянулась, наметанным взглядом оценивая обстановку. Ковер персидский, необычной изумрудной расцветки — но изрядно протертый. Газовые светильники в виде кувшинок — то ли настоящий Тонуччи, то ли очень хорошая копия — но бронза помутнела, пошла зелеными пятнами, а опалово-белые лепестки запылились. Шелковые шпалеры на стенах, облупленная позолота на лепнине...

Этот дом знал лучшие времена. Причем недавно — светильники-цветы от Тонуччи вошли в моду в девяносто седьмом. Кажется...

— Сюда, — мужчина приглашающе указал на приоткрытую дверь. За ней обнаружилась гостиная — небольшая, но изящно обставленная. Ирена заколебалась, выбирая между козеткой и креслом. На козетке можно было принять эффектную позу — у девятнадцатилетнего тела есть свои преимущества. Но кресло давало иллюзию строгости и основательности. А основательность сейчас была важнее. Решительно устроив задницу в кресло, Ирена подняла глаза на владельца дома.

А он не так уж и стар! Точнее, совсем не стар. Лет сорок, может быть, сорок два. Лицо сухое, породистое, с крупным носом и узким, правильно очерченным ртом. Совсем не такое, каким увидела его прежняя, совсем юная Ирена. В памяти смутно маячило что-то бесцветное, пресное, как церковная облатка.

Хотя... Прежняя Ирена была влюблена в яркого, черноглазого Богуся. А по сравнению с Богусем бухгалтер действительно был пресноват.

— Итак... чем могу быть полезен? — мужчина опустился в кресло напротив, с независимым видом закинул ногу на ногу. Солнце блеснуло в надраенных до блеска туфлях.

— Во-первых, я хотела бы услышать ваше имя. Раз уж вы знаете мое, — кокетливо улыбнулась Ирена.

— Ох. Простите, — независимый вид слетел с бедняги, словно пух с одуванчика. — Очень невежливо с моей стороны. Михал Сокольский.

Сокольский! Сокольский, черт побери! Это ли не знак свыше? Не Мышек, не Врубель*, не Кочан какой-нибудь, прости господи. Сокольский! Провидение подарило этому сухарю фамилию, словно специально созданную для вывески. «Детективное агентство Сокольский и Ко»! Лучше было бы только «Кажонца-Правица** и Ко», но нельзя требовать от судьбы слишком многого.

— Очень приятно, — смущенно затрепетала ресницами Ирена. — Пан Сокольский, у меня к вам есть финансовое предложение.

— Я ничего не покупаю, — тут же окаменел лицом бухгалтер Сокольский.

— Это очень хорошо. Потому что я ничего не продаю. Предложение заключается не в этом. Мне нужна ваша фамилия. Не бесплатно, естественно.

У сухаря отвалилась челюсть.

— П-прост-те, что? — Сокольский вытаращился на Ирену, беззвучно разевая рот, словно выброшенная на берег рыба. — Что вы... Но мы ведь даже не...

Несколько секунд Ирена наслаждалась картиной. Нехорошо, конечно, получать удовольствие от мучений ближнего своего — но слишком силен был искуc.

— Простите. Кажется, вы неверно меня поняли. Я собираюсь открыть собственное дело. Но я, как вы видите, женщина, — Ирена мягким взмахом руки обвела упакованные в жакет формы. Сокольский проследил за ее жестом, задержался взглядом на лифе — и порозовел щеками.

Боже, какая прелесть! Неужели ему действительно сорок? Богусь так даже в юности не краснел.

— Д-да. Я заметил. Но по-прежнему не понимаю...

— Подождите. Я как раз подхожу к сути вопроса. Я нашла замечательное помещение, идеально подходящее всем требованиям. А это, заметьте, было непросто! — воздела к потолку указательный палец Ирена. — Но домовладелец не желает подписывать договор с женщиной. Ему обязательно нужен мужчина. Это во-первых. А во-вторых... Я хорошенько обдумала сложившуюся ситуацию и пришла к выводу, что мне тоже нужен мужчина. Партнер. Не настоящий, естественно, — движением руки Ирена остановила Сокольского, уже открывшего было рот. — Формальный партнер. Просто имя на вывеске. И возможность официально сослаться на некоего пана начальника, который сказал то и посоветовал это.

— Вот как... — Сокольский смерил Ирену негодующим взглядом. — Значит, вы собираетесь затеять аферу. И хотите, чтобы я отвечал за нее своей репутацией.

— Нет-нет! Не аферу. Приключение, — обезоруживающе улыбнулась Ирена. — И никакого ущерба для вашей репутации не будет. Я это гарантирую. Ну посудите сами! Мало ли в Вавельске Сокольских? Наверняка не одна сотня. Никто не свяжет вас с моим агентством! Предлагаю вам... скажем... пять процентов от выручки, — Ирена ляпнула это не подумав. Поначалу она просто хотела заплатить пану бухгалтеру тридцать — ну, в крайнем случае сорок злотых. Но это за помощь с арендой. Долговременное и разностороннее использование фамилии требовало, конечно, более значительного вознаграждения. Но какого? Сколько положено платить человеку, если собираешься использовать его в качестве фиктивного партнера? Один процент? Два? Десять?

Десять процентов было жалко. Все, что до пяти, звучало несолидно. Словно Ирена не состоятельная деловая женщина, а малолетняя соплячка, экономящая каждый грош. Поэтому она и пообещала пять.

Да. Так нормально. Вполне пристойно.

— Пять процентов? — в глазах у Сокольского мелькнул интерес. — И от какой же суммы, позвольте поинтересоваться?

Вот дьявол. Бухгалтер — он и есть бухгалтер.

— Пока не знаю, — упала духом Ирена, но тут же воспряла. — Но заказы будут! Я уверена! А если нет... Вам-то какое дело? Если не будет клиентов, никто не увидит вашу фамилию на вывеске. Ах, да. Конечно, — сообразила она. — В этом случае давайте условимся о фиксированной начальной оплате. Скажем... двадцать злотых, — снизила она первоначальную ставку.

За двадцать злотых можно новую пиджачную тройку купить из шотландской шерсти. Достаточная компенсация за парочку вшивых подписей.

— Двадцать злотых? Почему же так мало? — изогнул светлую бровь Сокольский.

— Вовсе не мало! Никакого использования имени ведь не будет. А подпись на договоре аренды большего не стоит.

— По-моему, очень мало. Вот если бы вы предложили сорок злотых... — задумчиво прищурился Сокольский.

— Двадцать два.

— Тридцать пять.

— Двадцать три.

— Ну хотя бы тридцать! — в бледно-голубых, как вылинявший ситец, глазах, вспыхнул огонек азарта.

— Двадцать четыре.

— Двадцать пять!

— Договорились! — Ирена, привстав, протянула Сокольскому руку. Тот в ошеломлении посмотрел на ее ладонь, неловко повисшую в воздухе.

— То есть как — договорились?..

— Обыкновенно. Вы предложили цену, я согласилась. Двадцать пять злотых, и вы помогаете мне снять в аренду квартиру. Ну же? — Ирена качнула ладонью вверх-вниз. Сокольский, осознав, что вынудил даму стоять с протянутой рукой, снова залился краской. Неохотно, словно хвост дохлой рыбы, он сжал кончики пальцев Ирены.

— Хорошо. Раз я имел неосторожность пообещать — сделаю. Но при одном условии. Вы все мне подробно расскажете. Что за агентство вы хотите открыть, каких клиентов ожидаете, какие услуги будете оказывать. Я имею право знать, во что ввязываюсь.

*Врубель — «воробей» по-польски.** Кажонца-Правица» — «десница карающая» на польском.

Глава 9

По комнате плыл горько-сладкий, тягучий аромат кофе. Сокольский чем-то звенел на кухне, плескал водой, стучал дверцами шкафа. Для мужчины он неплохо ориентировался на кухне.

А вот служанки в этом доме определенно не было.

М-да. Можно было стоять на двадцати золотых — Сокольский наверняка бы согласился.

Ирена откинулась в кресле, с любопытством разглядывая обстановку просторной гостиной. При Сокольском таращиться было неудобно, но теперь, в одиночестве, она могла не сдерживать себя.

В комнате определенно чувствовалась женская рука. Ковер, обивка мягкой мебели, шторы не повторяли цвета друг друга, но все же составляли гармоничное целое. Ломберный столик на гнутых ножках отлично сочетался с круглым кофейным, и оба они — с резными полочками в углу. Пустыми. Раньше там, вероятно, стояли статуэтки. Или хрусталь, или подсвечники, или еще что-то, заявляющее о статусе владелицы дома.

Темные прямоугольники на стенах — там когда-то были картины.

Так до конца и не разгладившиеся вмятины на ковре — ... наверное, пианино. Что еще длинное, узкое и тяжелое может стоять в гостиной у самой стены?

Вон, кстати, и ноты лежат на этажерке.

А сверху журнал — явно дамский. Вряд ли бухгалтер интересуется модой на осенние платья, тем более прошлогодней.

Может, никуда жена от Сокольского не сбегала? Может быть, он вдовец? Потому и шаркался от дуры Чаруси. Тосковал мужик, потерю оплакивал — а тут эта курва напрыгивает и сиськи под нос вываливает.

Очень кстати, спасибо.

— Вот, пожалуйста. Кофе готов, — Сокольский вошел в комнату, обеими руками удерживая поднос.

Ирена стремительно выпрямилась, вернувшись в приличествующую воспитанной девице позу. К счастью, Сокольский, полностью сосредоточенный на подносе, не заметил этого судорожного рывка.

— Я помогу, — Ирена сдвинула со столика стопку журналов — нормальных, мужских, с охотничьими ружьями и револьверами на обложке.

— Благодарю, — Сокольский с видимым облегчением опустил свою ношу. Ложечки, подпрыгнув, обиженно звякнули. — Сахар, молоко? Сливки, к сожалению, не держу — не люблю жирное.

«Не любишь ты, как же», — мысленно хмыкнула Ирена. Просто молоко в три раза дешевле.

— Сахар, пожалуйста. Одну ложку.

Пока Сокольский сосредоточенно зачерпывал недорогой желтоватый сахар, пока размешивал его, дребезжа металлом о фарфор, Ирена с новым интересом разглядывала своего будущего делового партнера. Судя по времени, Сокольский недавно вернулся с работы. Не переоделся — брюки костюмные, не домашние. Просто снял пиджак и жилет. А рубашечка-то поношенная. Сильно поношенная — вон как манжеты затерлись. Да и цвет не белый, а в желтизну — значит, прачке не отдавал. Любая нормальная прачка быстренько эту дрянь синькой выведет.

Подтяжки паршивенькие — узкие, из паршивой резины, над кнопками уже топорщились бахромой оборванных нитей. Когда Сокольский в пиджаке, этого, конечно, не видно — но сейчас неуютная бедность предстала перед Иреной во всей красе.

А обстановка-то в доме недешевая. Получается, сначала деньги у Сокольского были. А потом внезапно пропали. Вместе с некоторыми элементами мебелировки. Тревожный симптом.

— Вы играете? — с ходу взяла быка за рога Ирена. — Простите мою бесцеремонность, но в некоторых вопросах лучше сразу расставить точки над i.

— С чего вы взяли? — Сокольский изумился искренне, по-детски — даже рот обиженно приоткрыл. — Никогда не играл. Разве что в шахматы... но вы не об этом спрашиваете, правильно?

— Правильно. Я говорю об азартных играх. У меня в жизни был крайне неприятный опыт. Теперь я стараюсь избегать игровых.

— Похвальное стремление. И похвальное благоразумие для столь юной особы, — снисходительно одобрил ее Сокольский. — Но я по-прежнему не понимаю. Чем вызван ваш вопрос?

Ирена отхлебнула кофе — такой же паршивый, как и подтяжки Сокольского.

— Мы станем партнерами. Не полноправными, но все же. Серьезные моменты нужно обсудить до того, как я передам вам деньги.

Сокольский, конечно, спрашивал не об этом — но Ирена была уверена, что уточнять он постесняется.

Именно так и произошло. Смущенно крикнув, мужчина повел подбородком, пригладил и без того аккуратно уложенные волосы.

— Я... Эм-м-м... В целом я с вами согласен, — наконец выбрал стратегию Сокольский. — Конечно же, вы имеете право убедиться в моей благонадежности. Как партнера. Но это право действует в обе стороны, не так ли?

Вот гадство. Ирена уже пожалела о том, что так неудачно ответила. Но отыграть назад было невозможно.

— Конечно. Что вы хотите знать?

— Вы не упомянули, какое именно агентство планируете открыть. И... прошу простить меня за излишнюю подозрительность... но мне показалось, что вы это сделали сознательно.

Ирена неторопливо отпила кофе, помолчала, снова отпила.

Рассказывать о детективном агентстве она действительно не планировала. Надеялась, что Сокольский заполнит этот пробел собственными домыслами — вообразит торговое агентство, или рекламное, или, допустим, брачное. Но чертов чернильный сухарь оказался кошмарно дотошным. Как и свойственно всем чернильным сухарям. Ну что же. Сама виновата.

— Я хочу открыть детективное агентство, — с максимальным достоинством, очень, очень серьезно заявила Ирена.

Сокольский поперхнулся кофе.

— Ч-что? Простите, я, кажется, не расслышал...

— Я открываю детективное агентство, — уже с раздражением повторила Ирена. — А что? Вас что-то смущает?

— Но... вы же... женщина. Простите, — в который раз порозвел ушами Сокольский.

— Я в курсе. Не стоило утруждать себя напоминанием.

— И... вы хотите открыть детективное агентство?

— Ну да. Я уже два раза вам это сказала.

— А что думает по этому поводу ваш отец?

Вопрос был неожиданным. И неприятным. Ирена гневно поджала губы.

— Не думаю, что вас это касается.

— Да, наверное, вы правы, — криво улыбнулся Сокольский. — Простите за бестактный вопрос. К тому же... я знаю на него ответ. Вы ведь здесь, в моем доме. Платите мне двадцать пять злотых за подпись в документах — которую совершенно бесплатно поставил бы ваш отец, брат или кузен. Если бы семья одобряла эту затею.

— Я совершеннолетняя. А необходимость заручиться согласием мужчины перед заключением сделки утратила актуальность тридцать два года назад.

— Закон об эмансипации женщин... Да-да, я помню. Вы действительно имеете полное право заключать сделки, кроме касающихся совместного имущества и совместных же обязательств, — привычной скороговоркой выпалил Сокольский. — Но я спрашивал не об этом.

— Я понимаю. И да, вы совершенно правы. Я не рассказывала отцу о своих планах, потому что он их не одобрит.

— А деньги?..

— Мои. Получены законным путем. Можно сказать, что это... подарок, — подобрала осторожный эвфемизм «взятке» Ирена.

— Но почему детективное агентство? Почему не модное ателье, не кафе, не прачечная?

— Потому что прачечная — это ужасно скучно. А я, знаете ли, твердо решила, что буду жить интересной жизнью.

— Вот как? — Сокольский поглядел на Ирену с настороженным интересом. — Любопытно... Вы обладаете какими-то специальными навыками? Может, ваш отец был полицейским?

— Нет. Мой отец торгует мануфактурой. А я окончила институт Святой Беаты по специальности бытовая магия.

— Ох. Значит, вы еще и маг, — слабо улыбнулся Сокольский. — Паненка, дочь мануфактурщика, бытовой маг — хочет стать детективом. Вы, наверное, любите книги читать?

Теперь в его голосе проглядывала откровенная насмешка.

— Да. Очень люблю. Но я сообразительная, энергичная, умная. И у меня... — слова «достаточно жизненного опыта» Ирена проглотила в последний момент. — У меня есть опыт. Однажды я самостоятельно расследовала махинацию с имуществом одного близкого человека. И нашла виновного.

— Даже так. Это, несомненно, значительный опыт. И весомый аргумент в пользу детективного агентства, — теперь Сокольский уже не скрывал усмешку.

— У меня есть деньги. У меня есть желание. И у меня есть возможность вернуться к безопасной жизни, как только я этого захочу, — Ирена, опустив чашку на стол, подалась вперед. Сокольский растерянно моргнул, но не двинулся с места. Только сцепил на коленях длинные нервные пальцы. — Послушайте, пан Сокольский. Вы не скажете мне ничего нового. Я ведь не дура. Все, о чем вы сейчас думаете, я уже прокрутила в голове не один десяток раз. И знаете что? Я все равно попробую. Потому что я очень, очень хочу. А еще потому, что сейчас в городе только одно детективное агентство — Юзефа Железного, «Возмездие». Но там работают только мужчины. И в полиции — только мужчины. А мир, знаете ли, не состоит из мужчин. Половина населения Вавельска — женщины. Как вы думаете, если женщине потребуется помощь детектива — к кому она обратится с большей охотой? К Юзефу Железному, который будет смотреть на нее так же, как вы сейчас — на меня? Или все-таки к женщине? Которая поймет, поможет и не осудит?

— Хм... — внезапно посерьезнел Сокольский. — Честно говоря, с этой стороны я вопрос не рассматривал. Значит, вы полагаете, что женщины будут охотнее обращаться к детективу женского пола?

— Да. Именно так я и полагаю.

— И запасной вариант, позволяющий вам без особых потерь вернуться к привычной жизни, имеется.

— Да. Конечно, я потеряю вложения — но это осознанный риск.

Сокольский нахмурился, задумчиво постукивая пальцами по подлокотнику. Ирена, взяв чашку, мелкими глотками пила еле теплый кофе, терпеливо дожидаясь вердикта. Высокие часы в углу мерно тикали, прощелкивая секундной стрелкой деления циферблата. Когда

стрелка завершила шестой круг, Сокольский наконец отмер. Тряхнув головой, он неуверенно улыбнулся и кивнул.

— Вы меня убедили. Я подпишу документы.

Глава 10

Богуся Ирена узнала сразу. Казалось бы — столько лет прошло. Муж облысел, расплылся, роскошная шевелюра поредела, словно объединенная молью енотовая шуба. Она должна была помнить именно такого Богуся — грузного, одышливого, неповоротливого. Но всего один взгляд из пролетки — и она узнала. Рост, фигура, разворот плеч. Черные кудри, с которыми не мог справиться ни один бриолин. Когда-то Ирена любила наматывать их на пальцы, словно кольца. Скобка темных усов над яркими, мягкими губами.

Ох, какими же мягкими...

Сделав шаг в сторону, Ирена нырнула под арку — в полумрак, сырость и запах мочи.

Богусь. Он все-таки пришел.

Ну спасибо вам, маменька. Даже здесь подгадили. Чтоб вам пусто было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.